

НЕБЕСА
ВСЁ ЗНАЮТ

ЛИНА МУР

Annotation

Где взять силы, чтобы взглянуть в глаза тем, кого предал и бросил? Где найти возможность остановить поток правды прошлого, разорвавшей и без того изнурённое сердце? Где отыскать смелость, чтобы прожить вновь свои ошибки и признаться в них? История о любви. О семье. О боли. О прощении. О переоценке ценностей. О невозможных мечтах. Без будущего. С виной прошлого. Безумство, наполненное страстью. Сможет ли Флинт отвоевать свою любовь или же у него никогда не будет шанса жить по-настоящему?

Небеса всё знают

Лина Мур

— И ты собираешься так просто это принять? — Недоумеваю я, смотря на сестру, мечущуюся перед окном.

— Да, Флинт, я это уже приняла просто так. Разве ребёнок виноват в том, что родился? Нет, — сверкая яростью в голубых глазах, Зои на секунду поворачивается ко мне, отчего цокаю.

— Но на кой чёрт тебе этот ребёнок, когда у тебя появится свой? — Указываю взглядом на огромный живот, который сестра постоянно поглаживает. Она всегда так делает, когда нервничает. А сейчас она на взводе, хотя мне, должно быть, плевать. Но я здесь. Сижу и жду непонятно чего, пытаюсь образумить сестру, хотя родители её поддерживают.

— На кой чёрт родители завели тебя, раз у них была я? Тот же самый вопрос, братик, — кривится, передразнивая меня, хотя это совершенно не подобает замужней двадцатичетырёхлетней женицине.

— Я не раз спрашивал у них об этом, и всегда получаю подзатыльник. Даже в семнадцать, поэтому не отвечу. Но всё же, Зои, смысл принимать чужого ребёнка? Ведь она может быть неуравновешенной, создать тебе ещё больше проблем, да и, вообще, на неё деньги надо тратить, а у нас их не так и много, — спрыгиваю с дивана и тоже подхожу к окну.

— Она всего лишь ребёнок, Флинт. Её мать умерла от рака, понимаешь? Она одна осталась в Париже. Нет никого из родственников, чтобы забрали её. Только её отец. Скоту нужно было забыть о ней? Бросить свою плоть и кровь в приюте? Боже, ты ещё совсем мальчишка, раз не понимаешь, насколько ужасна ситуация. Скот даже не знал о том, что у него есть дочь...

— А он делал тест или на слово поверил какой-то илюхе? — Кривлюсь и отворачиваюсь.

— Прекрати, немедленно! — Сестра с силой ударяет по затылку, отчего подаюсь вперёд.

— Зои! — Возмущённо потираю голову, взлохмачивая светлые волосы до плеч.

— Только попробуй. Только попробуй испортить всё. Только заикнись об этом, и я тебя по стенке размажу, — угрожающе выставляет руку вперёд и машет передо мной пальцем.

— Ладно-ладно, расслабься, а то родишь моего племянника прямо сейчас, — хмыкаю я.

— Ей всего пять, она ещё крошка, и ей необходима семья. Скот сказал, что она очень пуглива, и боится всего. К тому же... Боже! — Не закончив фразу, Зои взвизгивает и начинает приглаживать пшеничного цвета волосы.

— Что? — Недовольно спрашиваю её, наблюдая, как больная на голову, по моему мнению, беременная женицина носится по небольшой гостиной.

— Они здесь. Такси уже у дома. Сейчас будут. Ты понял меня, Флинт? Понял? Не пугай её! Не...

— Зовут-то хоть как сиротку? — Ловлю очередной подзатыльник и злой взгляд сестры.

— Джасмин. Её имя Джасмин. Всё, молчи, а лучше выйди через заднюю дверь, — она поворачивается ко входу, и дверь тут же распахивается.

— Привет, милый, — нервно произносит Зои, глядя на своего мужа.

Встречаюсь глазами со Скотом и удивляюсь, насколько он постарел за эти две недели, пока отсутствовал. В тёмных волосах можно разглядеть редкие седые волосы. Ему сейчас можно дать все тридцать, вместо двадцати шести лет. Да и глаза, опухшие с тёмными кругами. Он вымотан. Ещё бы. Вот это им не подфартило. Внебрачная дочь, о которой никто не знал. Смерть бывшей французской пассии, и подарок в виде ребёнка. Глупее быть невозможно, но Скот это сделал и теперь расплачивается, как и мы все.

— Доченька, не бойся, это моя жена. Её зовут Зои, — мягко произносит Скот, пытаясь руками поймать что-то позади него.

Опускаю взгляд и вижу тонкие ножки в чёрных колготках, ботинки слишком массивные для пятилетнего ребёнка. А в Саванне довольно-таки жарко даже для осени. Безуспешные попытки вытащить ребёнка и затянуть в дом, сопровождаются всевозможными предложениями сладостей, игрушек, а девочка даже не двигается.

Закатывая глаза, отталкиваюсь от стены и подхожу к Скоту. Опускаюсь на корточки и решаюсь на диалог, которого, видит бог, не хочу. Мне, вообще, претит здесь всё. Последний год школы, вечеринки, алкоголь и девушки, а родители заставили приехать к сестре, чтобы её поддержать. Оно мне надо? Ни черта.

— Ну, девочка моя, выходи. Давай, здесь тебе никто не причинит зла, — уговаривает её Скот.

— Я ведьма, и могу сама причинить им зло, — раздаётся тонкий детский голос с явным акцентом.

Бросаю удивлённый взгляд на сестру, и она отвечает тем же. Теперь мы оба смотрим на улыбнувшегося Скота.

— В самолёте мы смотрели «Белоснежку», ей очень понравилась злая колдунья, — объясняет он.

— Значит, к нам пожаловала сама Малефисента? Чёрт, я ни разу её в жизни не видел, и мне безумно интересно, — не знаю, откуда это берётся, но именно мой воодушевлённый голос звучит в тишине.

— Нет, я Джасмин. Но у меня много силы. Даже больше, чем у неё, — отвечает ребёнок, всё так же стоя за Скотом.

— Вау, вот это да. Если ты покажешь мне свою силу, то я покажу тебе свою, — предлагаю, и через секунду из-за мужских ног выглядывает девочка.

Задерживаю дыхание от создания, появившегося в нашей жизни. Скот отлично поработал, и теперь перед нами невероятный ребёнок. Я, вообще, мало смотрю на детей, и не могу дать точную оценку их красоте. Но я достаточно много видел женщин, девушек, чтобы утверждать, что когда-нибудь этот ребёнок станет невероятной красоткой. Голубые, небесные глаза распахнуты и с интересом рассматривают меня, как и я её. Русые волосы спадают по плечам, а пухлые губы растянуты в лукавой улыбке.

— Значит, ты тоже колдун? — Интересуется она, и я, кивая, поднимаюсь на ноги.

— Да, но у меня самое обычное имя — Флинт. А это моя сестра и жена твоего папы — Зои. И она владеет невероятной магией, даже мне она неизвестна, — протягиваю ребёнку руку, и она бросает взгляд на Скота, словно ожидая разрешения. Он кивает ей, и она выходит из-за мужчины. Теперь могу рассмотреть, какая она худенькая, тоненькая и с белоснежной кожей, в чёрном платье. Видимо, именно контраст оттенков так ярко играет и вызывает внутри жалость. Хотя этот ребёнок никоим образом меня не касается, но мне безумно горько оттого, что она пока не понимает полностью новый этап своей ещё

юной жизни.

Она подходит ко мне, отчего приходится нагнуться и предложить ей руку. Девочка так долго рассматривает меня, что становится не по себе. Да, я привык к тому, как женщины любят меня, но это ведь ребёнок. Хотя взгляд у неё глубокий, вдумчивый, словно у взрослого и мудрого человека. Невероятно красивые глаза, да и она сама настолько нежная, что улыбаюсь ей. Её ручка ложится в мою, и я осторожно тяну её к себе, а затем поворачиваю к ошарашенной Зои. Ну, я тоже удивлён собой и желаю сейчас же свалить от такой напряжённой тишины, поэтому необходимо побыстрее закончить.

— Я расскажу тебе по секрету, — ловлю взгляд голубых глаз и заговорщически продолжаю, — у Зои спрятаны яблоки, которые только она умеет готовить так, чтобы насладиться на всех долгий и глубокий сон. Если ты хочешь, она тебе покажет, как их готовить.

— Правда? У тебя есть такие яблоки? — Изумляется Джасмин.

— Эм... да... четыре фунта имеются, и я знаю, где взять ещё. Мы можем сейчас отправиться на кухню и приготовить их. Хочешь? — Спрашивает сестра.

— Да. Хочу. Очень хочу, — с готовностью кивает ребёнок и отпускает мою руку.

Зои уводит её, а я потираю лоб. Ни черта себе встреча.

— Вот ты нашёл себе проблемы, Скот, — поворачиваюсь к нему.

— Она моя дочь, Флинт, у меня не было выбора. И я благодарен тебе, потому что характер у неё не из простых. Она мало говорит, в основном молчит, боится всего и прячется, — похлопывает меня по плечу и пропускает к двери.

— Ты вернёшься? — Интересуется он, когда я останавливаюсь на пороге.

— Возможно. Мне же семнадцать, и меня ждут две красотки в кафе, — подмигиваю ему.

— Мальчишка, — слышу в ответ смех, и дверь закрывается.

Мысли о новом члене семьи моментально улечиваются, когда прыгаю в машину и включаю музыку. У меня грандиозные планы, о которых предпочитаю не говорить вслух. Обожаю эту жизнь.

Два года спустя...

Затягиваюсь едкой сигаретой, отравляющей и так скорбящее сердце. Смотрю на плиты, среди которых стоят те, кто пришёл сегодня выразить нам соболезнования. А я ничего не чувствую, кроме желания, напиться и изменить своё решение о поступлении в Нью-Йоркский университет. Если бы я этого не сделал год назад, то наши родители, которые решили приехать из Саванны в Нью-Йорк, были бы живы. Они бы не разбились, не пошёл бы дождь, не были бы мокрыми дороги. Это только моя вина, и поэтому сейчас стою поодаль от плачущей сестры, от бледного Скота, от знакомых, которые тоже любили их, как я.

— Им сейчас лучше, чем нам, Флинт, — раздаётся рядом детский голос.

Перевожу туманный взгляд на голубые глаза под тёмной вуалью шляпки и бросаю недокуренную сигарету в дерево.

— Тебе больно, да? — Джессс подходит ко мне ближе, и я киваю ей.

— Очень, — шепчу, опускаясь на зелёную траву, и не смею подойти ближе к месту, где сейчас произносит речь Скот.

Семилетний ребёнок садится рядом со мной, и я ощущаю, как её прохладная маленькая ладошка поглаживает меня по плечу.

— Не надо. Мне не нравится, когда ты грустишь. Мне тоже очень грустно. Бабушка с дедушкой всегда говорили мне, что если суждено чему-то произойти, то это случится. Значит, они сейчас счастливы. Ведь там... на небесах так хорошо и спокойно. Посмотри на них, небо ясное, и даже тучек нет. Они будут оберегать нас оттуда, и сейчас видят, как ты куришь, — последнее слово она произносит с явным неодобрением.

— Ох, конфетка, это я виноват. Я выбрал не то, что должен был. Я...

— Ты шёл за мечтой, так говорит Зои. И почему это ты виноват? Папа всегда требует, чтобы я делала то, что хочу, — перебивая меня, заявляет Джесс.

Перевожу на неё взгляд, и в который раз удивляюсь, насколько этот ребёнок стал для меня родным. Её слова, словно ослабляют печаль и скорбь, приоткрывают моё сознание, чтобы пропустить луч света, которым представляется мне она. Любопытная, умная, развитая девочка, ставшая неотъемлемой частью нашей семьи, которую сразу же полюбили все. Даже я проникся её смехом, жаждой жить и весельем.

— Мы должны пойти туда, — она указывает на кучку людей, и я тяжело вздыхаю.

— Я буду с тобой, обещаю. Пойдём, Флинт, — поднимаясь, протягивает мне руку. Столько надежды в её глазах, столько веры, что не могу предать это. Хотя бы не для неё. Пусть думает, что этот мир прост. И никогда не встретится с ранней потерей родителей, хотя она это уже пережила. Но обрела другую семью, и, возможно, без неё бы я не смог подняться и вернуться. Обнять сестру и забрать у неё племянника, затем бросить землю на гробы и наблюдать, продолжая держать одного ребёнка на руках, а другую прижимать к себе, как пришло время прощаться.

Я единственный, кто так и не заплакал на похоронах. Единственный, с кем не общаются, потому что сбегая отсюда. И даже тихий голос Джесс не вернёт меня сюда теперь надолго.

Четыре года спустя...

Слышу, как замок поворачивается, и распахиваю глаза. Моргая, выпрямляюсь на диване и кривлюсь от того, как всё затекло от быстрого и необходимого сна в доме сестры.

— Флинт?

— Дядя!

Раздаётся удивлённый голос Зои, а затем племянник прыгает на меня и обнимает за шею.

— Привет, парень. Какой ты огромный стал, — смеясь, треплю светловолосого малыша по голове и опускаю рядом.

— Привет, сестрёнка. Привет, Скот, — продолжая улыбаться, встаю с дивана.

— Какими судьбами, Флинт? Ещё не лето. У тебя что-то случилось? — Спрашивает Зои, вешая плащ, и указывает ребёнку, который уже нашёл приготовленный для него подарок в виде машинки на журнальном столике, отправляться мыть руки.

— Оставь его, милая, это и его дом. Мы рады видеть тебя, через полчаса поужинаем, — мягко произносит Скот.

— А где Джесс? — Интересуюсь я, приглаживая растрепавшиеся волосы.

— У неё музыкальные занятия, затем балет. Её скоро подвезёт соседка, — отвечает она и прищуривается.

— Так что случилось, братик? Ты не звонишь, не пишешь, не отвечаешь, а сейчас здесь.

— Я приехал, чтобы поделиться радостной новостью, — улыбаюсь ей.

— Какой?

— Сегодня я женился. Буквально этой ночью в Лас-Вегасе мы расписались с Коллин, — с трепетом делюсь с ней самым ярким и лучшим моментом в моей жизни.

— Что? — Лицо сестры белеет.

— Да... хм, я не говорил об этом, чтобы вы не испортили мне настроение. Но я женат...

— Сколько вы знакомы, Флинт?

— Пару недель, но чувства появились сразу же. Чёрт, не надо меня осуждать, я знаю, что это поспешно, но я люблю её, и она великолепная девушка. Первый курс медицинского факультета, мы встретились в баре, и всё завертелось. Я сразу же понял, что она для меня. Тем более я нашёл место в компании, помощником архитектора и могу обеспечить нас. Есть квартира, которую мне подарили родители перед смертью, у нас всё хорошо, — оправдываюсь, и это противно.

— Боже мой, что же творишь, брат? Ты совсем с ума сошёл? Ты ничего не знаешь об этой девушке, кроме того, как она трахается! Когда ты начнёшь думать головой, а не своим членом? У тебя квартира, а она, уверена, иностранка. Да? — Повышая голос, Зои наступает на меня.

— Да, она не американка, как закончится её ученическая виза, мы подадим на грин-карту. Да, неужели, это так важно? Я люблю её! Она моя жена и хорошая девушка! — Зло отвечаю ей.

— Конечно, хорошая девушка, которая окрутила тебя, идиота, — фыркает Зои. — Ей от тебя нужно только гражданство, а потом она тебя бросит. И даже не посмотрит на твоё смазливое лицо. Ты проходной билет для неё. Когда же ты повзрослеешь?

— Я взрослый! Прекрати меня отчитывать! Давно уже не мальчишка! Я работаю, живу сам, и ни разу не просил у вас деньги! Я принимаю решения, и женился! Ты должна была меня поздравить, а не орать, — яростно указываю на неё пальцем.

— Поздравляю, Флинт, из-за своей любви к женским гениталиям, алкоголю и, возможно, до сих пор, наркотикам, ты совершил самую ужасную глупость в своей жизни, — едко произносит она.

— Да я только раз баловался кокаином. И что из этого? Я же не подсел, и хватит мне об этом напоминать! Я думал, что приеду, расскажу вам, и она тоже здесь, только в отеле. Познакомлю вас, и всё будет так же хорошо, как было у меня внутри. А встретил только нравоучения и унижение, напоминание моей молодости...

— Ты и сейчас молод! Тебе только двадцать три! Ты еле-еле окончил университет и снова нашёл себе проблемы на задницу. Выпутывайся сам, понял? Скоро ты сам поймёшь, каким был придурком!

— Что вы кричите? Напугаете Карвера, — в гостиную входит Скот и останавливается между нами.

— Этот полоумный женился на эмигрантке! Я поверить не могу! Она отберёт у него квартиру и...

— И вы поженились в этом возрасте. У вас всё хорошо. Так почему у меня должно быть иначе? — Перебивая возмущения сестры, поворачиваюсь к изумлённому Скоту.

— Хм... Зои, это его жизнь. И если он решил так, то пусть отвечает за свои поступки. Он взял на себя ответственность, и ни ты, ни я не можем на него повлиять, — медленно произносит Скот, и я улыбаюсь его поддержке.

— Спасибо. Кстати, Зои, я ни разу не отчитывал тебя за то, что ты удочерила Джесс, внебрачного ребёнка твоего мужа...

— Флинт, — охает сестра и обиженно поджигает губы.

— Это же, правда. Я не хочу никого оскорбить этим, но Джасмин счастлива с вами, и мы все её любим. А ты не хочешь даже узнать мою жену поближе. Мне от этого неприятно, — кривлюсь от своих слов.

— Потому что ребёнок, который не виноват в своём рождении и скоропостижной смерти матери, не может приравняться к наглой стерве, которая использует тебя...

— Хватит! Не смей так говорить о моей жене! Раз вы не хотите с ней знакомиться и увидеть её, то я сваливаю! Поделится с вами, а вы мне в душу плюнули! — Подхватывая сумку, обхожу сестру.

— Флинт...

— Нет, Скот, я принял твою внебрачную дочь и полюбил её, не упомянул о том, как туго вам пришлось в то время. А вот вы даже не хотите принять мою любовь к женщине. Вы лицемеры, и знать вас не хочу, — зло, шипя, выхожу из дома и громко хлопаю дверь.

Меня раздражает, что сестра так поступила со мной. Мне больно и неприятно, а теперь ещё нужно объяснить всё Коллин. Они даже не дали ей шанса показать себя. И я люблю её, меня не волнует то, что она иностранка. Она дарит мне незабываемые эмоции, и такой шаг для меня... а они даже не поддержали. Обидно. До чёрных точек перед глазами обидно! Да, я непутёвый иногда, но рвусь изо всех сил. Сейчас нашёл хорошее место, буду прекрасным мужем и когда-нибудь отцом. У нас всё получится, и мне необходимо это. Разве могут они понять, какой груз вины я до сих пор несу в себе? Как пытаюсь доказать сестре и Скоту, что родители отдали мне всё не просто так, а я заслужил?

Пока жду такси у дороги, смотрю на тёмное небо, и тяжесть сдавливает грудь. Они заставляют меня думать плохо о моей жене, думать в другом русле, и о том, что всё это моя ошибка. Не позволю! Мне двадцать три, и я имею право решать сам за себя...

— Флинт? Это ты? — Сбоку от меня раздаётся знакомый голос, и я поворачиваю голову.

Девочка, о которой постоянно думаю и для неё тоже стараюсь быть лучшей, смотрит на меня с радостью огромными голубыми глазами.

— Конфетка, привет, — улыбаюсь ей, и Джесс, бросая рюкзак на траву, с визгом прыгает на меня.

— Боже! Ты здесь! Ты приехал! — Кричит она, а я смеюсь от этого искреннего счастья. Целую её в волосы и прижимаю к себе. Чёрт, я скучал по ней, и сейчас она тяжелее, чем шесть месяцев назад.

— Ты подросла, — замечаю длинные ноги в лосинах и такую же обтягивающую майку. Это мне не нравится. Хоть она ещё очень юна, но одежда слишком взрослая для неё.

— Ну, так мне уже одиннадцать, — гордо заявляет Джесс и поправляет толстую косу на плече.

— Я привёз тебе «Барби», оставил на журнальном столике...

— Флинт, я давно уже не играю в куклы. Так ты был у нас? Почему не предупредил? Ты останешься? — Закидывает меня вопросами.

— Нет, я уже уезжаю. Мы с Зои немного повздорили, и моё присутствие сейчас нежелательно, — кривлюсь от своих слов.

— Почему? Что случилось? Ты пропил квартиру? — Усмехается она, и я ловлю себя на

мысли, что слишком много знает о моих похождениях, и это неприятно. Не хочу, чтобы она думала, что мужчины все такие. Хотя да, мы все вот такие непостоянные, но ей пока думать об этом рано. Очень рано.

— Нет. Я сказал им, что женился, и они не приняли мой выбор.

— Женился? — Тихо переспрашивает Джесс и делает шаг назад от меня.

— Да.

— Эм... поздравляю тебя. Она, наверное, очень красивая, и ты её очень любишь, раз решился на такой шаг, — постоянно запинаясь, произносит она.

— Очень, — улыбаясь, вспоминаю тёмные волосы Коллин и аппетитное тело, которое сводит с ума. Всегда любил красивые формы, объёмные, чтобы было за что ухватиться. Ох, а как она работает ртом...

— И это хорошо, раз ты счастлив, то и я счастлива. Вы прилетите на лето? Вместе? — Из порочных мыслей меня выводит голос Джесс и я, моргая, концентрирую на ней взгляд.

— Хм...

— В июле у меня первое выступление на городском конкурсе по фортепиано. Я бы хотела, чтобы ты приехал, — она подходит ко мне ближе и вглядывается в моё лицо. Чёрт, я не могу ей отказать. Она смотрит на меня доверчивыми голубыми глазами, и не позволяю себе причинить ей боль или же дать понять раньше, что я полный кусок дерьма.

— Конечно, — кивая, слышу звук подъезжающей машины.

— Пообещай, — требует Джесс, когда такси останавливается рядом с нами.

— Обещаю тебе, что приеду...

— Нет, не мне, — смеясь, мотает головой. — Небесам. Пообещай им, что приедешь и будешь самым счастливым. Пообещай им, что будешь гордиться собой, и я это увижу. Пообещай им.

— Хорошо, — улыбаясь, закатываю глаза.

— Небеса, я обещаю, что приеду на первое выступление конфетки, — смотрю на тёмное небо и чувствую себя придурком. — Так сойдёт?

— Более чем, — кивает Джесс и, наклоняясь, поднимает рюкзак.

— Тогда до встречи, и береги себя. Звони мне в любое время, — открывая дверь такси, произношу я.

Джесс отходит и кивает мне, но что-то в её взгляде, на секунду ставшим печальным и горьким, не даёт мне опуститься в салон.

— Конфетка, у тебя всё хорошо? — Тихо спрашиваю её.

— Да. Я скучаю по тебе, а теперь ты женат, и мы вряд ли сможем забираться на дерево, чтобы стрелять из рогатки. Но я рада за тебя и желаю тебе только счастья, Флинт. Поезжай, наверное, твоя любимая уже тебя дождалась, — пухлые губы растягиваются в улыбке.

— Спасибо, Джесс, ты единственная, кто меня понял и поддержал. Спасибо, я обещаю, что буду приезжать чаще, вырываться с работы и заберу тебя на лето к нам. Обещаю, небеса, — вспоминая это глупое условие, поднимаю голову и слышу звонкий смех.

— До встречи, конфетка, — подмигивая ей, опускаюсь в салон и закрываю дверь.

Смотрю на одинокую худенькую, продолжающую стоять на лужайке возле дома девочку, и что-то в груди сдавливает. Словно предчувствие, мрачное и тянущее сердце. Джесс моя племянница, маленький человечек, которого я всегда буду помнить. Хотя в

последнее время забыл обо всём, кроме развлечений. Большой мир украл у меня желание быть обычным. Мне хочется стремиться куда-то высоко, чтобы никто больше не имел права меня осуждать. Доказать им всем, я умею быть взрослым даже без родителей.

— Обещаю, что вернусь, и с наслаждением буду слушать, как ты играешь. А потом ты станцуешь мне, и пойдём есть мороженое. Обещаю, что обстреляем всех гостей на воскресном барбекю, и ты будешь смеяться. Обещаю, конфетка, — шепчу я, наблюдая, как девочка разворачивается и идёт к дому.

— Мистер, мы едем? — Спрашивает шофёр, и я поворачиваюсь к нему.

— Да. По этому адресу, — передаю ему карточку отеля и бросаю взгляд на молчаливый дом, со светящимися окнами, который стал для меня чужим.

Ни одного из своих обещаний я не выполнил...

Захлопывая дверь такси, поднимаю голову и смотрю на подсвечивающийся фасад дома, который видел раньше только на фотографии. Столько лет я не был в Саванне, что забыл, как влажно и душно здесь, как проста и обычна жизнь, и кем надо быть, когда вернусь сюда.

Вытираю сухой рот ладонью и кривлюсь от боли в горле, которое до сих пор нещадно дерёт. Чёрт, голова болит и хочется ещё выпить. Надраться вновь, чтобы не думать ни о чём больше.

Знаю ли я, по какой причине приехал сюда? Нет. У меня нет ни одной причины, чтобы появиться сейчас. Да и меня вряд ли ждут. Меня точно не ждут. Меня нигде не ждут, и я нигде не нужен.

Давящие мысли, тяжесть в груди и очередной провал в жизни привёл меня к яркой красной двери. Набраться бы мужества, чтобы нажать на звонок, но не могу. Рука не поднимается, и отчаяние уже затапливает разум. Боже, чувствую себя полным придурком. Да, потому что ни один нормальный мужчина в здравом уме (здесь не обо мне точно) не будет стоять и гипнотизировать странной формы звонок из-за алкогольного отравления.

Неожиданно дверь распаивается, и на меня налетает что-то очень знакомо пахнущее и высокое. Моргая, делаю шаг назад, нога скользит по ступеньке, и последнее, что я вижу перед тем, как тело заскулит от боли, удивлённые голубые глаза и алые губы.

— Блядь... дерьмо... чёрт как же... чёрт, — стону и катаюсь по земле, пытаюсь унять боль в нервных окончаниях копчика и позвоночника. Перед глазами даже яркие точки бегут, и начинается тошнить. Жутко, до отвращения.

— Ма! Здесь бездомный какой-то! — В мой, и без того дребезжащий мозг, врывается громкий крик. Отчего приходится распахнуть глаза и замереть, лёжа на каменной дорожке.

Кажется, я ошибся дверью. Мой взгляд проходит по загорелым стройным ногам, поднимается и натывается в ультракороткие шорты, даже не скрывающие ягодички девушки с распущенными и окрашенными волосами. Сглатываю сухость во рту и причмокиваю, как идиот, плясая на аккуратные и спелые выпуклости незнакомки.

— Мам, надо полицию вызвать. От него жутко воняет, — девушка поворачивается и указывает на меня пальцем. Приподнимаюсь оттого, что голубые глаза кажутся очень знакомыми, но из-за вульгарного и яркого макияжа узнать очень сложно.

— Флинт? Брат, это ты? — Недоверчивый голос проносится надо мной, и я перевожу взгляд на Зою, немного постаревшую и осунувшуюся, с нескрываемым отвращением рассматривающую меня.

— Привет, — натягивая улыбку, отрываю взгляд от девушки, которая обескуражена не меньше, чем я. Я должен вспомнить. Кто она? Где-то видел... она смотрит на меня, недовольно и даже зло. Наблюдает, как медленно поднимаюсь с помощью сестры, и поджигает пухлые алые губы. Странно, я...

— Господи, что... где ты был? Выглядишь ужасно. Действительно, как бездомный, — смеясь, Зою проводит меня в дом, пока эта девушка, взгляд которой ощущаю спиной, продолжает сверлить меня недовольством. Почему? Я же не знаю её.

— Мама? — Вспыхивает в голове то обращение, которое юное и вульгарное создание позволило себе.

— Джасмин?! — Шире распахивая глаза, не могу отвести взгляда от девушки.

Закатывает глаза и цокает.

— Пить меньше надо, Флинт, тогда и мозги останутся, — фыркает она, поправляя обесцвеченные пряди, лежащие на выпуклой груди, обтянутой маленьким топиком, едва не лопающимся на ней.

— Брат, ты многое пропустил. Входи, — смеясь, Зои толкает меня дальше, а я обескуражен, как изменилась маленькая девочка и превратилась в... чёрт, я даже подобрать слов не могу, чтобы описать её сейчас, и не оскорбить.

Нет той нежности, которую она несла в себе, только открытая сексуальность и обнажённое тело. Слишком обнажённое. Пока прохожу мимо неё, она отскакивает от меня и закрывает демонстративно пальцами нос. Кривит пухлые губы. Бесит. Особенно алая помада, которая уродует её и делает её облик ещё более вызывающим, это раздражает.

— Что ты здесь делаешь? Ты не сообщил, что прилетишь к нам, — интересуется сестра и указывает на диван.

— Милая, принеси своему дяде что-нибудь выпить, — Зои оборачивается к Джесс.

— Водку? Джин? Ром? — Ехидно перечисляет она.

— Чёрт, ты так выросла и так... выглядишь, — замолкая, рукой показываю на её внешний вид.

— Было бы очень удивительно, Флинт, если бы я осталась одиннадцатилетней. Именно в том возрасте, когда ты видел меня в последний раз, — усмехаясь, она складывает руки на груди, сжимая её, и она вот-вот выпрыгнет.

— Красавица, да? Её очень часто приглашают сниматься у нас в рекламе, но она отмахивается. Думаю, Джесс бы сделала прекрасную карьеру, — Зои подходит к девушке и обнимает её за плечи.

— Мам, ему лишнее знать об этом. Так что тебе? Водки или джина? — Джесс поворачивается ко мне, и я захлопываю рот, пока прихожу в более или менее нормальное состояние, можно сказать, полон удивления, преображением маленькой и хрупкой девочки вот в это. Хотя она всё такая же худенькая, как и раньше, но... дерьмо, мне не следует на неё смотреть.

— Воду. Мне достаточно алкоголя на сегодня, — тихо отзываясь, опускаюсь на диван.

— Воду, — передразнивая меня, девушка уходит вглубь дома, а сестра с улыбкой закрывает дверь.

— Так что случилось, Флинт? Мы не слышали о тебе очень долго и уже даже не пытались связаться. Твоя секретарша постоянно говорит, что тебя нет последние два месяца. Ты один? — Спрашивая, она подходит ко мне и садится рядом.

— И выглядишь безобразно. У тебя в бороде крошки от хлеба, и жутко воняешь. Боже, не говори мне, что ты всё потерял! — Взвизгивает сестра, и я, опуская взгляд, рассматриваю отросшую бороду.

— Нет, я ничего не потерял. Я развёлся...

— В который раз, Флинт? Десятый или одиннадцатый? — Едкий голос Джесс перебивает меня, и она подходит к нам.

— Пятый, — поправляю её и принимаю из рук бокал с водой.

— Опять? Боже, брат, опять развод, и на этот раз из-за чего? — Тяжело вздыхает Зои.

— Я...

— Наверное, размер груди не понравился, или же ноги показались кривыми, нашёл ещё более пышную дамочку. Мам, чего спрашивать, у этого человека никогда не будет

стабильности. Ну, или, как вариант, он её не удовлетворяет, и стал импотентом. Хотя его вид и так отталкивает, — Джесс с отвращением осматривает меня, а от её слов давлюсь водой.

— Джасмин, — смех Зои ещё больше удивляет меня.

— Ладно, вот это, — девушка показывает на меня пальцем, — надо отмыть, а я пошла на вечеринку. Люблю, — Джесс склоняется к сестре и чмокает её в щёку.

И всё так быстро, её выпад в мою сторону, оскорбления, этот вид с голой задницей, и она выскакивает из дома.

— Я что-то не понял... это, действительно, Джесс? Это она? Это мне не мерещится? — Указываю на дверь и затем возвращаю свой взгляд на Зои.

— Да, это Джасмин, и ей уже восемнадцать, Флинт. Она окончила школу с великолепным баллом, подала документы в наш университет, и выпускной был три дня назад. Я отсылала тебе приглашение, но ты, как обычно, его проигнорировал, — спокойно пожимает плечами.

— Я не видел... я... три дня назад встречался с женой у адвоката и подписывал документы о разводе. Я...о боже, словно оказался в другом мире. Где та девочка, которая всегда улыбалась и не была вот такой... такой... вульгарной? Как ты это допустила? — Возмущаясь, встаю с дивана и зло ставлю бокал на журнальный столик.

— Не тебе меня учить, как воспитывать дочь, Флинт. Молодёжь сейчас невозможно контролировать, и Джесс я доверяю. Поэтому позволяю ей всё, она делится со мной, и я знаю обо всех её ухажёрах, проблемах и происхождении. А то, как одеваются сейчас девушки, ты знаешь больше моего. Пятый брак, и тот не увенчался успехом, — язвительно заявляет Зои.

— Прости, я просто удивлён и... разбит я. Да, ты всегда была права. И с Коллин, и с другими моими жёнами, но я не слушал тебя. А сейчас мне тридцать лет, у меня хорошая компания и длинный список разводов. Прости меня, что вот так явился без приглашения, — устало провожу рукой по сальным волосам.

— Думаешь, мне приятно знать, что была права, братик? Нет, хороший мой, нет. Я бы хотела, чтобы ты светился от счастья. Это моя вина, что не настояла тогда на разводе, а я хотела. Но меня Джесс остановила.

— Джесс?

— Да. Она сказала, что это твоя жизнь, и ты так решил, а мы не должны вмешиваться в неё. Она настаивала на своём и даже поругалась со мной первый раз. Она защищала тебя, а ты...

— А я пропал на семь лет. Чувствую себя таким мерзавцем, ты не представляешь, Зои. Мне некуда больше идти, как сюда. Мне нужно время, чтобы подумать и понять, когда всё пошло под откос. И уберечь себя от очередной свадьбы. Не везёт мне в любви, зато я богат, — горько усмехаюсь, осматривая дом, который приобрели мои родственники два года назад в кредит. Да, я помню, как Зои просила просмотреть документы, нет ли там подвоха... а мне было плевать. Только фото запомнилось, но никак не другое. Я был поглощён новой девушкой и занимался только ей.

И это гадко. Гадко от самого себя, что поступал именно так. А сейчас, как трус, сбежал из большого города к тем, кого бросил.

— Ох, Флинт, ты же знаешь, мы всегда рады тебя видеть. А Джесс... тебе придётся привыкнуть к тому, что она выросла. У неё своё мнение, и мы ей не препятствуем в этом, потому что доверяем. Именно так мы живём. Все дети — наши друзья, они делятся с нами, и

мы счастливы. А тебя будем реанимировать, хотя мы улетаем завтра со Скотом, — сестра поднимается с дивана и указывает на лестницу, ведущую на второй этаж.

— Улетаете? Куда? Я рассчитывал с вами провести время, может быть, вместе куда-то съездить, — хмуро спрашиваю её, рассматривая фотографии, висящие на стене. Улыбающаяся Джесс с разными наградами, и её родители.

— И об этом я тебе писала два месяца назад. Мы купили дешёвый тур на острова. Две недели нас не будет, Скот сейчас в аэропорту, сегодня отправляет Карвера в поездку в Вашингтон с классом на месяц. Ты, конечно же, и это не читал. Но Джесс остаётся, сказала, что нам нужен второй медовый месяц, а ей побыть без нас перед новой жизнью, — рассказывая, она поднимается и проходит по коридору.

Не успеваю даже собрать мысли в кучу, как Зои с улыбкой открывает дверь одной из комнат.

— Эта спальня у нас пустует, она совмещена с комнатой Джесс ванной. Думаю, дочь не будет против, если ты остановишься рядом с ней. Поэтому чувствуй себя как дома, — сестра указывает на комнату, и я оказываюсь в небольшом пространстве в классическом стиле. Сразу вспоминаю свою большую и просторную квартиру, где всё выполнено модно, и, благодаря дизайнерам, выглядит как с обложки журнала. А сейчас вернулся к истокам, к недорогой мебели из дерева, к мелочам, к аромату цветов и свежескошенной травы, доносящемуся из открытого окна, и к жуткой влажности.

— Спасибо. Спасибо, Зои, что не отвернулась от меня, — натягивая улыбку, вхожу в комнату и бросаю на кровать свою сумку.

— Я никогда не отвернусь от тебя, Флинт. Ты же мой брат. Мы семья, не всегда разделяющая твои решения, но семья. Ты дома, дорогой мой, прими душ, я принесу тебе полотенца. Тебе следует побриться, а то выглядишь устрашающе. Мы уже ужинали, но в холодильнике найдёшь рагу и разогреешь. Не стесняйся и ешь всё, что захочешь. Тем более Джесс не будет, а я наготовила много...

— Почему? — Перебивая её, отвожу взгляд от переднего двора, который прекрасно просматривается из моей спальни.

— Молодость, ребята и подружки, — с улыбкой поясняет она.

— Мда, и это необходимо принять, — усмехаюсь я.

— Дети растут, Флинт. Её подруги очень приятные девушки и из хороших семей, мы с ними общаемся. Они все поступили на один факультет. А парни... Джесс молода, и ищет того самого, но пока безуспешно. Да и мальчики всегда вокруг неё выются, она же красавица. Завтра разберёмся с остальным, уже половина десятого и тебе следует отдохнуть. Ещё будет время наговориться. Если тебе что-то нужно, то наша спальня дальше по коридору. Я буду собирать вещи, и ждать Скота.

— Спасибо, — киваю ей, и сестра закрывает дверь, оставляя меня одного.

Ни черта себе — приехал. Слишком много неожиданной информации свалилось на меня. Да и алкоголь, который пил всё утро, неприятно сказывается на самочувствии. Не хочу есть, только пить. А лучше, действительно, смыть с себя послевкусие алкогольного дурмана и лечь спать. Завтра разберусь со всем, и увиденное не будет казаться мне ужасным. Ведь я до сих пор вижу перед глазами Джасмин в её вульгарном наряде, слышу едкие слова, пропитанные отвращением. И мне так больно. Больно оттого, что забыл о них, наслаждался жизнью, женился, разводился, тратил деньги, покупал себе лучшее, когда они покупают уценённые туры.

Что стало со мной за эти годы, пока меня здесь не было? Хотя это не тот дом, который я помню, но знаю город, он мой родной. Я появился здесь, и бросил всё, чтобы утонуть в пороках.

Осматриваю снова небольшую спальню и подхожу к окну нестандартного размера. Оно и понятно, душно очень, и такого рода планировка помогает впустить в дом хотя бы немного воздуха.

Ночь уже давно давит собой на город, а я совершенно не представляю, что мне делать. Потерян. Действительно, потерян, и приехал сюда, чтобы найти спасение. А сейчас не верю, что у меня получится. Вновь знакомиться с теми, кто были для меня когда-то самыми близкими, будет сложно. Знаю, это будет катастрофично, особенно видеть то, во что превратилась моя конфетка.

— Джасмин, — шепчу, оборачиваясь к двери, ведущей в ванную комнату.

Думал ли я о ней? Нет. Признаюсь, что ни о ком не думал. Вообще. Да, присылал подарки на Рождество, и то не успевал. О днях рождениях забыл, не поздравлял, я жил своей жизнью, словно у меня никого никогда не было. Очерствел. Стал циником. А теперь вот что вышло. Я чувствую себя лишним здесь. Сам отказался от семьи и навязался им со своим пятым разводом.

Оглядываю ванную комнату, где стоят разные баночки и духи Джесс. Самая простая сантехника: раковина, зеркало, душевая кабина и туалетный бачок. Ничего лишнего, да и не поместится сюда что-то ещё. Висит халат на её двери, и я подхожу к ней. Нажимаю на ручку и вхожу в сладко пахнущую комнату. Благодаря свету в ванной комнате могу рассмотреть светло-голубые стены, белую двуспальную кровать, заваленную подушками разной формы и мягкими игрушками. Какие-то книги валяются на столе, а на стуле висят джинсы. Это девчачья спальня, каждая безделушка и фигурка свидетельствует об этом. Втягиваю в себя аромат и закрываю глаза. Забыл о ней... всё утопил, предал, и теперь придётся пожинать плоды. Но за ними я и прилетел. Взял отпуск и сбежал.

У меня сейчас нет желания даже жить, потому что нет причин это делать. Я неудачник в любви, обжигался очень часто, стал посмешищем среди друзей и мишенью для женщин. Клоуном, на которого делают ставки. Я не чувствую себя мужчиной, не знаю, кто я сейчас и не понимаю, что могу. Словно все эти женщины, число которых уже давно перевалило за сотню, выпили из меня всю силу, оставив бесхребетным придурком, который только и предлагает им жениться. Это убивает и так гадко отравляет меня, что пришлось исчезнуть. Не дать себя унижить ещё больше, ведь когда я развожусь, то каждая из моих бывших жён считает своим долгом рассказать, какой я хреновый муж. А потом насмешки, и я, поддаваясь им, ищу новую жену, и так по кругу. Но что-то случилось внутри вчера. Не смог спать, а щемящее чувство в сердце призвало меня сюда. Не знаю, как это объяснить, но я должен быть сейчас здесь. В Саванне.

Мне тридцать, а я боюсь выйти из комнаты после душа и бритья. Боюсь встретиться с вопросами, на которые не знаю ответов. Боюсь даже посмотреть в глаза сестре и Скоту, потому что ещё до конца не осознал, что я добрался до их дома и нагло влез в их жизнь. Им без меня было намного лучше, по поведению Джесс всё понял, но мне этого принимать не хочется. Не хочется принимать такой итог, но на сегодня я полностью выжат, раздавлен той жизнью, которой поклонялся.

Сквозь сон слышу неприятные звуки, которые уже медленно, но верно разрушают влажную оболочку из дремоты. Распахиваю глаза и, моргая, привыкаю к темноте вокруг

меня. Нет... мой пентхаус наполнен светом, там не бывает так жарко. И тут же вспоминаю о том, что я у сестры. Что-то наподобие бульканья, а затем кашель раздаётся из ванной комнаты.

— Джесс, — испуганно подсакиваю и распахиваю дверь. Мне плевать, что я в одних боксерах, моё сердце так быстро набрало обороты, что сейчас готово буквально разлететься на миллион мелких осколков.

Взглядом нахожу девушку, вытирающую рот туалетной бумагой и, шатаясь, выпрямляющуюся на ноги. Нажимает на кнопку, а я закрываю глаза, не желая видеть этот вульгарный, отвратительный вид.

— С каких пор... ик... с каких пор тебе разрешено вламываться в мою спальню? — Пьяно тянет Джесс, отбрасывая спутанные и влажные волосы за спину.

— Это не твоя спальня, Джесс, это ванная. И я живу теперь рядом с тобой, — медленно отвечая, рассматриваю размазанную по губам помаду, алые капилляры в глазах и совершенно неподобающий вид для восемнадцати лет.

— Фу, меня сейчас снова стошнит, — кривясь, идёт к своей двери, шатается, ещё немного и рухнет.

— С каких пор ты так много пьёшь, что едва стоишь на ногах, Джасмин? — Шепчу я, шокированный увиденным.

— С каких пор ты так противен, что вызываешь у меня желание только блевать, Флинт? — Передразнивая меня, хлопает дверью.

Мой рот сам приоткрывается от такого обращения. Чёрт, это не моя конфетка. Это незнакомая мне девушка, которая ведёт себя ужасно. И Зои это позволяет ей? Позволяет ей возвращаться в таком виде домой?

Закрывая дверь, вхожу к себе в спальню и направляюсь в коридор, чтобы немедленно обсудить это с сестрой. Да как так можно? Ей восемнадцать, всего восемнадцать! Иду к комнате сестры и прислушиваюсь. Там тихо, наверное, они уже спят. Мне не хочется их будить, но злость, желание немедленно оттащить за волосы Джесс перебивает стук сердца. Нажимаю на ручку, но затем сразу же, её отпускаю. Завтра. Обговорю с её родителями это завтра, потому что не позволю этой девочке так с собой поступать. Она не понимает, что губит себя алкоголем. Про него я тоже могу многое рассказать, и к чему приводят подобные вечеринки. Так я женился в третий раз, и это был мой самый быстрый брак за всю жизнь. Не более суток. И в таком состоянии ею же могут воспользоваться. Да, неужели, она настолько глупая, что не понимает этого? Именно алкоголь становится причиной насилия, а Джесс эффектная девушка. Особенно когда одета так доступно.

Возвращаясь к себе в спальню и падаю на кровать. Моё ли это дело? Могу ли я, вообще, давать советы по воспитанию детей, если сам себя воспитать не могу? Но, чёрт побери, это моя племянница! И я люблю её, волнуюсь за неё, и пока я здесь хочу понять, что произошло за то время, пока меня не было. А я разберусь во всём, тем более Зои и Скот улетают, оставляя меня с ней. Я приведу эту девочку в чувство, и хотя бы не буду думать о том, что у самого жизнь — пустое место.

Спускаюсь на первый этаж, полный решимости начать серьёзный разговор, который прокручивал в голове всю ночь.

— Доброе утро, Флинт, — первым меня встречает Скот, немного раздавшийся вширь, но такой же, добродушный, как и раньше. Подходит ко мне и, обнимая, ударяет по спине.

— Рад тебя видеть, парень. И мне жаль, что так получилось с твоей пятой женой, — мягко улыбается мне и указывает рукой на стол, где пьёт чай сестра.

— Я тоже, но ночь у меня выдалась сложной, — сурово произношу и опускаюсь на стул.

— Влажность и жара. Забыл уже? — Смеётся Зои и пододвигает ко мне пустую чашку и стопку оладий.

— Нет. Ночью я видел вашу дочь, — смотрю, то на удивлённого Скота, севшего рядом со мной, то на сестру, приподнявшую брови.

— И? — Спрашивает Зои.

— Что и? Ты хоть знаешь, что она пьёт, и её тошнило? Она выглядит как шлюха и одевается ужасно. Как вы это допустили? — Зло шиплю я.

— Ах, это. Ну и что? — Расслабленно пожимает плечами Зои.

— Как ну и что? Она пьёт! Ей восемнадцать, и она пришла в три утра домой, едва стоя на ногах! — Ударяю кулаком по столу и вскакиваю.

— Но она же вернулась домой. И вспомни себя в этом возрасте. Ты похлеще выглядел, — напоминает Зои.

— Это я. Я мужчина, а она девчонка! Вы что, совершенно с ума сошли, раз позволяете такое ей? Скот, чёрт возьми, ты-то как на это спокойно смотришь? Тебе не думается, что она там не только пьёт? — Кричу, как помешанный, ещё больше раздражаясь от их ничего, не выражающего вида.

— Флинт, успокойся. Да, моя дочь выпивает, но не совершает ничего предосудительного. Она возвращается домой, и уже, к твоему сведению, отправилась гулять с подружками. И выглядела она нормально. Так что я не переживаю, как и Зои. Это пройдёт. Главное, чтобы наша дочь доверяла нам. Мы знаем, где она была и с кем была, что она пила и сколько, — с улыбкой отзывается мужчина.

— Да вы полоумные! А если её изнасилуют, когда она пьяна? На ней и так были вчера клочки одежды! Не понимаю, как вы можете быть такими... такими противно спокойными, — кривлюсь от отвращения, прокручивая в голове картинки ночи.

— У нас небольшой городок, Флинт. И преступность не такая, как в Нью-Йорке. Всех ребят, с которыми она встречается, мы знаем. Даже скажу больше, мы выписали ей таблетки от беременности в шестнадцать. Она не девственница, и мы не против. Она думает головой, о том с кем спит, — от этого заявления Зои мой рот приоткрывается, и я оседаю на стул.

— То есть вы поощряете её раннюю сексуальную жизнь? — Ужасаюсь им.

— И тыкает нам в это человек, который никогда не отличался стабильными отношениями. Занятно, Флинт, но нет, мы не поощряем, но не препятствуем изучению своего тела. Джасмин уже молодая женщина. И лучше было бы, чтобы она травила себя тем, что ей не подходит? Или, вообще, скрывала от нас это? Нет! Не учи меня воспитывать моего ребёнка, особенно, девочку, о которой ты ни черта не знаешь! Следи за собой! — Зои со стуком опускает чашку, отчего она трескается, и вылетает из столовой.

Шумно втягиваю в себя воздух и перевожу яростный взгляд на Скота, качающего головой.

— Ладно, она потекает ей, потому что боится потерять связь с неродным ребёнком. А ты? Неужели, тебя это ни капли не трогает? — Шиплю я.

— Трогает, Флинт, но иначе нельзя. Ты не знаешь, какой характер у Джасмин. Безумный и тяжёлый. Если она что-то хочет, она это сделает, вне зависимости от разрешения...

— Но это не повод давать ей такую свободу, — перебивая его, возмущённо фыркаю.

— Повод, — закрывает глаза на секунду, а когда уже смотрит на меня, то вижу мучения, сожаление и усталость.

— Мы пытались совладать с ней. В четырнадцать, когда ты женился во второй раз, а Зои решила приехать на твою свадьбу, она поругалась с ней снова. Она тоже хотела, но её поведение было неадекватным. То она улыбалась и смеялась, то, когда упоминали тебя, становилась мегерой. И мы опасались, что Джесс сможет натворить нечто ужасное в церкви. Зои запретила ей лететь, как и я. Тогда же она сказала, что поедет на вечеринку к своему парню, это мы ей тоже запретили. Я остался с детьми здесь, но не уследил за ними, пахал в столярной мастерской день и ночь. Джесс оставила дома Карвера и исчезла. Я думал, что она спит у себя, но утром мне позвонили из участка и сообщили, что её поймали в нетрезвом виде за рулём. Мало того, она чуть не погибла, когда вписалась в ограждение. Я позвонил Зои, она была как раз на церемонии, поэтому она уехала.

— Я не помню этого, — хмурясь, пытаюсь вернуться в прошлое, в богато обставленную церковь, но ничего. Только возбуждение от предстоящей свадьбы, волнение из-за опоздания невесты, и даже не заметил, как сестра ушла. Я не думал о ней, не придавал значения, и теперь слушать это крайне неприятно.

— И я не виню тебя, Флинт, но с того момента и после долгого разговора с Джесс, мы решили, что даём ей свободу, а она должна доверять нам и рассказывать всё. Нет, мне не хочется, чтобы моя дочь познала боль и разочарование раньше времени. Но иногда, кажется, что она уже всё знает, и ничто её не тронет. Она прекрасная девушка, и ограничивать её нам страшно.

Откидываюсь на спинку стула и пытаюсь всё уложить в голове. Чёрт, я, действительно, ничего не знаю больше о Джасмин. Всё, что было в прошлом, исчезло. Я изменился полностью, и сейчас в тупике. А она может повторить мои ошибки, и я хочу оградить её от этого.

— Почему? Когда она превратилась из доброго, доверчивого ребёнка в адское пламя из противостояния? — Шепчу я.

— В двенадцать. Всё изменилось, Зои говорила, что это нормально. Подростковый кризис, который проживают все дети её возраста. Джесс хорошая девочка, умная и смышлённая. Я волнуюсь за неё, как отец, но доверяю ей полностью, зная, что глупости она не совершит. И у тебя будет время узнать её, пока нас не будет, — с улыбкой произносит Скот и поднимается со стула.

— Ладно, не моё это дело, хотя не представляю даже, как с ней общаться. Вчера она была язвой, — кривлюсь от воспоминаний.

— Пойми её, Флинт, ты был для неё примером, она всегда защищала тебя, пока ты не забыл о ней. Женское сердце — потёмки, тебе ли не знать об этом, — смеётся он.

— Женские сердца — болото, в котором прорастает только грязь. Ты прав, об этом я знаю много. Ведь именно благодаря этим сердцам я стал самым непостоянным вечным

женихом, — хмыкаю и поднимаюсь со стула.

— У тебя есть время, чтобы понять, как быть дальше. И прошу тебя, Флинт, потерпи со следующей свадьбой.

— С меня хватит. Видимо, не мой путь быть мужем и построить семью. Ведь я очень хотел иметь такой же дом, как у вас. Ту же любовь, идти вместе с женой через все преграды, как вы. Ты и Зои стали для меня примером, а я так и не достиг ничего, кроме денег.

— Деньги не всегда дарят счастье. Они обесцениваются, хотя грех жаловаться на жизнь. И, зная твой характер и свою дочь, прошу ещё об одном. Не разгромите дом, мы очень долго выплачивали за него, — смеётся Скот, а у меня нет улыбок. Мне стыдно, что даже не участвовал в этом, ведь мог. Мог прислать им денег, чтобы они выбрали что-то больше, лучше, и на всё бы им хватило. Нет, я этого не сделал, потому что мне было на них плевать.

— Может быть, вам нужна помощь... или решить какие-то денежные проблемы. Я могу, я ведь богат, Скот, — сдавленно предлагаю ему.

— Прекрати, — сурово поджимает губы. — Нам от тебя ничего не нужно, кроме самого тебя. Ты часть нашей семьи, Флинт, и мы всегда рады тебя видеть. Поэтому не упоминай деньги, когда ты с нами. Это обижает нас. Да, мы не так обеспечены, но нам хватает. Хватает, чтобы быть счастливыми. И тебе я желаю того же самого.

— Хорошо. Прости, просто я подумал, что смог бы вас отблагодарить за приют моей гулящей души, — горько усмехаюсь и ловлю его задумчивый взгляд.

— Ты можешь нас отблагодарить, — кивает он.

— Как?

— Следи за Джесс, сейчас черед вечеринок после выпускного, и ты будешь видеть её в неприглядном виде часто. Наладь с ней отношения и снова почувствуй себя частью нас. Это было бы прекрасным подарком и благодарностью за нашу любовь к тебе. Идёт?

— Я постараюсь не кричать на неё, но не обещаю. То, что я видел, мне не нравится. Хоть и понимаю, что она другая, совершенно непохожая на того ребёнка, что знал. Но поделаться с собой ничего не могу.

— Возможно, тебя она и послушает. Попробуй, но не доводи её. Поверь, если она начнёт мстить, то все твои жёны покажутся тебе раем, — тихо смеётся Скот.

— За что она должна мне мстить? — Удивляюсь я.

— Женщинам не нужна причина, чтобы это делать. Всё зависит от настроения. Найди Зои и поговори с ней, она очень нервничает и переживает. Она тоже пока находится в шоке от твоего приезда, как и Джесс.

— Конечно, я извинюсь перед ней. Чёрт, Скот, я настолько гадкий для них, да? Они обижены на меня? И... — вздыхая, не могу сказать большего. Сложно привыкать к отношению, которого даже не ожидал. Я ведь думал... блеф, я ни о чём не думал. Вообще. О них точно, как и о реакции на мой неожиданный приезд.

— Ты не гадкий, у тебя просто другая жизнь. Ты из Нью-Йорка, там твоё место, а мы простые. Иди, а я пока удостоверюсь, что за наше отсутствие крыша не протечёт, — кивает мне и выходит из кухни, как предполагаю на задний двор.

Поднимаю голову и теперь могу убедиться в том, что хоть дом выглядит новым, но в нём много работы, и то, что сейчас капает из крана, подтверждение тому. И я же богат, для меня поменять здесь всё раз плюнуть. Но запрещено. Это приносит с собой некое подобие разочарования. Я лишний. Здесь нет ничего моего, даже семья стала чужой. И причина — это только я.

Поднимаясь на второй этаж, слушаю, как немного скрипят половицы. Замечаю открытую дверь слева и заглядываю в неё.

— Зои?

Рассматриваю спальню Джесс, она осталась такой же, как и ночью. Светло-голубые стены, постель в разных оттенках синевы. Аромат духов и чего-то сладкого витает здесь. На потолке какие-то точки, скорее всего, из-за влажности и постоянной сырости появились. И сейчас удивлённо смотрю на ватные облака, свисающие на тонких нитях.

— Джесс мечтает быть дизайнером. Очень многие вещи, которые украшают наш дом — её рук дело. Она отреставрировала бра, делает из старого новое. И даже нашу спальню превратила в нежное подобие небес, — тихий и гордый голос сестры раздаётся рядом.

— Это очень красиво, — отвечаю, опуская взгляд на неё, держащую чистое бельё в корзине.

— Но решила поступить на экономику. Говорит, что дизайнеры получают мало, и это невыгодно для её будущего. Никто переубедить её не смог, — грустно добавляет она.

— Зои, я должен извиниться. Не моё право указывать вам, как воспитывать дочь. Но пойми меня, я в шоке... чёрт, действительно, настолько удивлён преображением Джасмин, не знаю, что думать даже. Ты прекрасная мать, наши родители тобой бы гордились, — каждое слово даётся с трудом. Смотрю в её глаза, которые так похожи на мои, и мне больно. Боль оттого что наблюдаю слёзы, скапливающиеся в её глазах. Замечаю глубокие морщинки по всему лицу и понимаю, мы уже давно выросли, и не вернуть ничего, ни одной минуты прошлого, чтобы как-то изменить.

— Всё хорошо, Флинт, — хлюпает носом и ставит корзину на постель.

— Нет, я обидел тебя, когда не имел на это права. Припёрся со своими проблемами, даже не думая о вас. Прости меня за то, что вот такой подонок. И если я могу что-то сделать для вас, я готов. Только скажи мне, чем помочь, — подхожу к ней и кладу руки на плечи.

— У нас всё есть. Два прекрасных ребёнка, столярная мастерская, дом, еда. Нам не нужна помощь, а вот тебе очень, — поворачивается в моих руках и с нежностью поглаживает мою щёку.

— Может быть, нам остаться? Боюсь, действительно, сейчас мы необходимы тебе...

— Нет, летите. Вы должны отдохнуть, и я буду здесь, пока вы не вернётесь. Обещаю, что присмотрю за Джесс и попытаюсь понять её. Принять ваш стиль жизни, да и тишина мне нравится больше, чем шум большого города. Всё хорошо, — перебивая её, отхожу и обвожу взглядом комнату.

— Нас Джесс доведёт до аэропорта в шесть. Заготовки в холодильнике я оставлю, чтобы вы не померли с голода. Да и Джесс умеет готовить.

— Я тоже когда-то умел. И давно не жарил барбекю, можно вспомнить. Может быть, тогда она немного оттаит ко мне.

— О, это вряд ли, — смеётся Зои, раскладывая чистые вещи на кровати.

— Почему?

— Джесс не ест мясо. Она вегетарианка, — продолжая хихикать, сообщает сестра.

— Да ладно? С каких пор? — Изумляюсь я.

— Лет с тринадцати или четырнадцати. Просто перестала есть мясо, и всё. Поэтому я готовлю на нас и на неё. Хотя она обычно перекусывает где-то в городе с девочками.

— Столько я пропустил, — запускаю руку в волосы и тяжело вздыхаю.

— Теперь у тебя есть время, чтобы восполнить пробелы, Флинт. Две недели, только

не...

— Разгромите дом, — заканчиваю за неё, и она смеётся.

— Да.

— Я ведь уже взрослый, Зои, мне тридцать и спорить с восемнадцатилетним ребёнком не буду. Всё будет хорошо, — закатываю глаза, оттого что они до сих пор не поверили в то, что я вырос. Довольно давно.

— Порой я думаю, что ты слишком рано стал взрослым. Начал принимать решения, когда не был готов. И лучше бы тебе именно вспомнить, каким ты был в семнадцать, чтобы понять себя нынешнего. Но это твоя жизнь, и, уверена, ты сам всё знаешь. И у меня нет права лезть в неё. Я люблю тебя, ты мой брат, часть моего сердца, поэтому оставляю тебя за старшего. Надеюсь, что к нашему возвращению ты снова будешь улыбаться, как раньше.

— Конечно, так и будет, — заверяю её, хотя сам не представляю, что меня ожидает. И отчего-то интуиция говорит мне — лучше валить по-хорошему. Наедине с Джесс начнётся мой личный ад, который, неведомо по какой причине, накаляет тело странными эмоциями. Да неужели, не справлюсь с ней? Я ведь её дядя, и она всегда слушала меня. И сейчас будет то же самое.

— Господи, Скот, я забыла документы! — Мужчина хватает за руку Зои, не позволяя ей забежать на второй этаж.

— Успокойся, они у меня. Поехали, Джесс уже сигналит. Если ты ещё хотя бы немного задержишься, то мы пойдём пешком и опоздаем на рейс, потому что наша дочь терпеть не может ждать, — спокойно произносит Скот, а я прыскаю от смеха в кулак.

— Ладно. Флинт, ты за старшего. Я буду звонить...

— Иди уже, всё будет хорошо. Вы не увидите полыхающий огнём дом, — стараясь не рассмеяться, с серьёзным лицом отвечаю ей.

— Всё... всё, хорошо. До встречи, — Зои посылает мне воздушный поцелуй, а Скот сдержанно кивает.

Когда за ними закрывается дверь, шумно выпускаю воздух из лёгких. Полдня я слушал, как вести себя с племянницей. Что ей готовить, а что она категорично не ест. Когда она принимает пищу, и даже, как стирать. Мне пришлось терпеливо слушать, понимая, насколько сестра волнуется перед полётом, и только кивать. Скот появился только за полчаса до назначенного времени и получил нагоняй за свой внешний вид от Зои. А вот Джасмин так и не была дома. Я только видел свет фар, когда она подъехала за родителями. Но она вернётся домой, и мы поговорим. Нам следует обсудить всё прежде, чем начнётся что-то непоправимое.

Поднимаюсь на второй этаж и кручу шей от удушливой влажности. Она настолько гадкая, что приходится чаще принимать душ, менять одежду, и она моментально тяжелеет. Лето в Саванне самое тяжёлое время, раньше я этого не замечал. Достаяю из сумки ноутбук и открываю его. Быстро проверяю письма, даже не желая отвечать и следить за работой, как и за заказами, тут же захлопываю его и кладу обратно.

Я потерял вдохновение ко всему этому. Я потерял вдохновение к жизни. Раньше пропадал днями и ночами в офисе, поглощённый новыми проектами, из-за чего и произошёл мой четвёртый развод. А сейчас так плевать, даже если прогорю. У меня достаточно денег и связей, чтобы даже работать без подчинённых. Да, этого я добился, а вот другого не смог. Где я совершил ошибку?

Иногда мысли, из-за которых ты и приехал, не хотят подчиняться тебе, оставляя голову пустой, а сердце сдавлено в тиски. Не знал, что можно не понимать себя. Вроде бы всё ясно: пять браков и пять разводов. Причин, наверное, много, но мне гадко. Чувствую себя обманутым жизнью, и что где-то упустил тот момент, свернув на неверную дорогу. Это убивает. Невозможно отследить прошлое, потому что просто не помню его. Разрывает. Медленно. Необратимо. Да, я измучил себя мыслями о том: а в чём смысл моей жизни? Снова найти женщину и жениться на ней, забыть обо всём, потратить деньги и потом подписать бумагу о разводе. А дальше всё по той же схеме: смех друзей, слова «а мы тебе говорили»...чёрт, да у меня и друзей-то нет. Ребята, с которыми можно только выпить и снова оставить приличную сумму где-нибудь в казино. Вот и всё. Никто из них не знает даже, что я рождён в Саванне, что мои родители погибли из-за меня, а сестра нуждается в деньгах, хотя делает вид, что всё прекрасно.

— Чёрт возьми, — потираю переносицу и подхожу к окну, за которым уже глубокая ночь. Я не знаю... правда, сейчас потерял в этом мире, и именно женщины меня подкосили.

А я любил их, каждую по-своему, но любил. Кроме третьей жены, там только алкоголь и хороший секс. Неужели, это я? Неразборчивый кобель, посмешище для всех. Да мне стыдно возвращаться в Нью-Йорк. Я сбежал, как трус оттуда. Признаю. Я слабый, бесхребетный, а раньше не был таким. Это раздражает, даже телефон отключил, чтобы вновь не слышать смеха знакомых. Не могу.

Бросаю взгляд на часы, показывающие полночь, и понимаю, что Джесс до сих пор нет дома. У неё достаточно было времени, чтобы отвезти родителей и вернуться. А её нет. Выхожу в коридор и заглядываю в её комнату. Нет, она где-то шляется. Это меня тоже безумно злит. Почему ко мне такое отношение? Я ведь ей ничего плохого не сделал. Да, забывал о подарках, но потом присылал ей «Барби», самых дорогих кукол, как и племяннику новинки из «Лего» и машинки. Тогда по какой причине она позволяет себе такое по отношению ко мне? Мне и так тошно.

Спустившись вниз, и не включая свет в доме, прохожу на кухню. Сегодня только обедал, да и не хочется ужинать. Надо возобновить тренировки, чтобы хоть тело было в форме. Наверное, прошло очень мало времени с развода. Не могу взять себя в руки. Не понимаю, ведь раньше, я спокойно относился к этому. Да, было неприятно узнавать своих жён и правду о них, но тут же находился кто-то, и я был втянут в новый виток из похоти и чувств. А теперь что? В один момент, оказавшись с бумагой о разводе, вспомнил, о едва не смеющемся судье, и оказался один. Действительно, один в своей роскоши и при деньгах. Именно они и привлекали всех женщин ко мне. Не я, а они. Да и как я мог привлечь, если давно уже потерял личность? Стал как все? Именно эти мысли, мрачные и удручающие, заставили резко собрать вещи, взять отпуск и улететь.

Делаю глоток воды, рассматривая холодильник, забитый продуктами, которые не употребляю уже шесть лет, а может, и больше. Жирный сыр, молоко тоже недиетическое, пирог, всевозможные сладости, и хотя бы салат с овощами есть. Чёрт, да я ханжа! Смотрю и ещё выбираю. Необходимо завтра взять машину Скота и съездить в супермаркет, чтобы...

Не успеваю завершить мысль, как рёв мотоцикла, нарушающий идеальную тишину на улице, привлекает внимание. Закрываю холодильник и выхожу в гостиную. Отодвигая штору, наблюдаю, как парень спрыгивает с мотоцикла и притягивает к себе девушку. Она с жадностью отвечает ему на поцелуй, когда он подсаживает её на бёдра и несёт... несёт к нашему дому. Да ладно... нет... это не может быть Джесс, обхватившая какого-то уроды за талию и позволяющая ему сжимать её оголённые ягодички, которые даже шорты не скрывают.

Хихиканья уже слышатся от входной двери, и ключ поворачивается.

— Блять, детка, хочу тебя прямо здесь, — шепчет мужской голос. А я стою с бокалом воды, и мой рот сам раскрывается от шока. Меня как будто по затылку ударили и теперь заставляют наблюдать, как в свете ночных фонарей с улицы пара облизывает друг другу рты, и их руки буквально не различить.

— Что, чёрт возьми, это означает? — Рыкаю я. Девушка замирает и, отпуская парня, вмиг подскакивает к выключателю на стене и щёлкает им.

Мои глаза моментально встречаются с голубыми, блестящими от похоти и возбуждения. Вульгарный макияж, опухшие губы, напоминающие о том, что их терзали с особой силой. Топик больше похожий на бюстгальтер, не скрывающий наливную грудь, являет через тонкую ткань бусинки сосков.

Кажется, от злости и ярости я готов сейчас разорвать Джесс.

— Детка, это кто такой? — Даже забыл о присутствии здесь третьего. Перевожу взгляд

на парня, точно подходящего под звание «оборванец». Удлиненные светлые волосы, руки забиты татуировками, низкие джинсы и майка, которую больше года не стирали. Он подходит к девушке и обнимает её за талию, а она отвечает ему улыбкой. Боже, как гадко.

— Ах, не обращай внимания, это бездомный, которого мама приютила. Перепил, видимо, — смеётся Джесс и, приподнимаясь на носочки, демонстративно целует его в губы.

Сжимаю бокал с такой силой, что слышу, как трескается стекло. Всё внутри кипит от наглости и этого... вот этой порнографии.

— А ну отойди от неё, — рычу, отбрасывая бокал, который тут же разбивается. И мне плевать, я не позволю это делать на моих глазах. Никогда. Хватаю парня за затылок и отталкиваю от Джесс.

— Эй, бро, ты...

— Закрой рот и вываливайся отсюда, — указываю пальцем на дверь.

— А ты живо к себе, — поворачиваюсь к Джесс, и снова взгляд падает на опухшие и покрасневшие губы, изящно изогнутые в насмешке.

— Билли, поднимись ко мне и жди. Хочу тебя полностью готовым, — Джесс, словно не слыша моего приказа, огibtает меня и толкает парня к лестнице.

— Джасмин!

— Иди, я с этим разберусь, и только попробуй не удовлетворить меня, — смеясь, она шлёпает его по ягодице.

— Я тебя затрахую, детка, — подмигивает ей.

Я в шоке. Мало того, что в шоке, я готов придушить её сейчас. Она смеётся надо мной, наблюдая, как её парень свободно поднимается по лестнице, минуя мои приказы.

— Ты совсем с ума сошла? — Поворачиваюсь к Джесс, которая лишь закатывает глаза.

— Да пошёл ты, — выставляет руку вперёд и красноречиво показывает мне средний палец. Убью.

— Ты ведёшь себя как шлюха! Одеваешься как шлюха! Кто ты такая, чёрт бы тебя побрал? — Повышая голос, наступаю на неё.

— Никто. Для тебя я никто, — чётко отвечает и даже не дёргается. В её голубых глазах горит ненависть, да такая лютая, отчего останавливаюсь и замираю.

— Джесс, конфетка, нельзя так. Ты моя племянница, и мне ужасно видеть это, — уже тише говорю.

— Я тебе никто, Флинт. Я не твоя родная племянница, и не заставляю тебя смотреть, как я трахаюсь. Но, если хочешь...

— Закрой рот, — перебивая её, зло цежу. — Закрой рот. Меня оставили здесь с тобой, и я обещал, что не позволю тебе вот этого всего. Ты снова пьяна? От тебя несёт алкоголем!

— С каких пор ты выполняешь обещания? Да, пьяна, и мне нравится это состояние. Поэтому отвали от меня. Не тебе меня судить, — ледяное свечение её глаз ещё больше распыляет. Делает шаг, чтобы обойти меня, но хватаю её за локоть и ощущаю, насколько тонкая и нежная у неё кожа.

— Ты сейчас же выгонишь его отсюда. Поняла? Если нет, то я сам это сделаю. И мне плевать на твою обиду. Я воспитаю тебя, — отталкиваю девушку. Приподнимает подбородок и затем, ехидно усмехаясь, осматривает меня с ног до головы.

— Ты мне никто, Флинт. Никакого авторитета для меня ты не представляешь. Поэтому захлопнись и иди поищи новую жену. И запомни мои правила. Это мой дом, а ты здесь гость. Непостоянный гость, который снова исчезнет. Воспитывать меня? Серьёзно? Воспитывай

тех, кого трахаешь. Ты не имеешь никакой власти надо мной. Ты никто, и останешься никем для меня. Я живу здесь и делаю всё, что захочу. И сейчас я поднимусь к себе и буду трахаться со своим парнем. А ты можешь послушать и подрочить. Но не смей даже пытаться меня остановить, иначе я превращу твою жизнь в ад. Ты гость, так и будь им, не лезь ко мне. Всё ясно, дядя? — Выплёвывает в меня последнее слово, точно ударяя по всему, что я помнил. Больше нет той девочки, которую я любил. Вместо неё, стоит девушка, наполненная ненавистью и злобой. Иная, и мне больно, что отшатываюсь от неё.

— За что ты так со мной? — Горько шепчу я.

— Для чего ты приехал сюда? — Яростно шипит она.

— Чтобы... я соскучился по семье...

— Ах, вот оно что. Вспомнил, что у тебя семья есть. Что же ты не помнил об этом, когда Зои потеряла двух детей, а я написала тебе? Что же ты не прибежал, когда она лежала в больнице после выкидышей? Что же ты забыл о том, что у Зои был юбилей, и она ждала тебя? Ты проигнорировал приглашение! А я скажу. Ты был весь в своей жизни, весь в своих суках, на которых только и успевал жениться. Ты забыл обо всех нас. В твоём богатом мире не было для нас места. Теперь здесь тебе нет места. И не смей даже заикаться, что вспомнил о семье. Ты приехал, чтобы поныть своей сестре, после очередного развода. Тебе плевать было на нас всё это время, так возвращайся туда, откуда прилетел. Ты нам не нужен. Ты отказался от нас, а мы прекрасно живём без тебя и твоих тупых подарков. Ты ублюдок, Флинт, и я не позволю тебе снова расстроить мою маму! Понял?

— Джесс...

— Не смей! Ты даже не знаешь, как часто она плачет иногда по ночам, смотрит видео, где ты ещё был, и плачет! Ненавижу тебя! Ненавижу за всё! Ты никто здесь! Никто! — Выкрикивает последнее слово и взбегает наверх.

Меня шатает от жестокости её слов, и в то же время они правдивы. Нет, я этого не знал. Ничего не знал из того, что пережила Зои. И о детях тоже не знал. Не помню... чёрт, какой же я эгоист. Джесс во всём права, буквально во всём, и точно ударила меня в самые болезненные места. Показала лишь словами, насколько я стал чужим. И это всё моя вина.

— Чёрт, — сжимаю пальцами глаза, потому что хочется расплакаться от разрывающегося сердца. Я не помню, когда плакал. Возможно, после смерти родителей. Возможно, раньше. Возможно, никогда. Годы пролетели, и теперь я ничего не могу воспроизвести в сознании. Мне больно видеть себя таким. Больно, что человек, которого я любил, теперь меня ненавидит. А ведь раньше Джасмин была для меня самой близкой, она всегда понимала меня без слов. И сейчас это сделала, прочла с лёгкостью мои мысли.

Как будто вижу всё со стороны. Себя, стоящего в чужом доме, пытающегося справиться с эмоциями и горечью. Я оторвал части от своего сердца, и теперь оно, действительно, изранено. Сам это сделал с собой и единственное, что остаётся, доказать им — не такой я, смогу всё исправить, мне нужен только шанс.

Вздыхая, собираю осколки бокала и выбрасываю в урну на кухне. Мне стыдно за то, что не участвовал в их жизни. Стыдно до безумия. Ведь сестра меня приняла, она любит меня, каким бы подонком ни был. А вот Джесс ненавидит. И отчего-то последнее причиняет больше боли, чем остальное. Я не хочу видеть этого всего. Не хочу наблюдать, как её лапает незнакомый парень, и сейчас занимается с ней сексом. Ей восемнадцать, но для меня она до сих пор ребёнок. Мысль о том, что она уже знает, как выглядит член, вызывает вновь ярость и злость.

Конечно, я могу пойти и выволочь этого парня. Наказать её, или же придумать что-то. Но имею ли я право? Нет, больше никакого. Я никто. Она права. Я не выполнил ни одного обещания, которое давал ей. И она не может больше доверять мне. А я хочу вернуться, хочу слышать смех, и быть прежним. Мне необходимо быть нужным для кого-то. Так больно понимать, что потерял семью из-за женщин и денег. Потерял себя в пороках, и никогда не смогу изменить мнение о себе. Ужасно. Я и сам себя ненавижу.

Выключаю свет и поднимаюсь по лестнице. Уже в коридоре слышу стон Джесс, и это вызывает отвращение. Я не должен подходить ближе к её спальне, не должен даже думать о том, что сейчас, в эту самую минуту, кто-то трахает её. Но я слышу! Ещё как слышу. Очень громкие шлепки, её призывы продолжать, и голос парня. Гадко, меня злит это, отчего кулаки сами сжимаются. Картинки, очень смутные и неправдоподобные, появляются в голове. Да я сам сексом занимался недели две назад, а то, и месяц, и сейчас что-то странное происходит. Меня изводит внутри неприятное чувство собственности, и знать о том, что моя племянница стала женщиной слишком рано, изъедает изнутри. Неприятно, хочется выломать к чертям дверь и убить. А ей ведь не стыдно так стонать! Стонать так, что это возбуждает даже меня, стоящего слишком близко к этой спальне. Каждую секунду член буквально наливается силой, и меня передёргивает от страха. Этого быть не может. С ума сошёл, Флинт? Совсем отчаялся, раз слушаешь то, как твоя племянница занимается сексом и представляешь всё в голове?

Сглатывая вязкую слюну, резко подаюсь назад и моментально скрываюсь в своей комнате. Да, здесь потише, но всё равно слышу. Приглушённо, словно порно смотрю, а звук идёт из рядом лежащих наушников. Слышу, чёрт возьми!

Ношусь по спальне, как зверь, отсчитывая время. Когда-нибудь он же должен закончить? Неужели, можно так долго заниматься сексом? Уже час, долбаный час, то прислушиваюсь, то вскипаю сильнее. Что она с ним делает сейчас?

Восторженный крик с её именем, и в секунду всё затихает. Замираю по центру своей спальни и медленно подхожу к двери, ведущей в ванную. Слышится смех, и как распаивается другая дверь.

— Чёрт, кажется, я так не кончал ни разу, детка. Обожаю твой рот, — мурчит парень. Кривлюсь, и меня мутит от этого.

— Будешь хорошим мальчиком, я, возможно, повторю, — смеётся Джесс и, видимо, включает душ.

— Я буду самым лучшим. Для тебя. Иди сюда.

И снова смех, а затем тихий и очень приглушённый стон Джесс. Да ладно? Опять?

— Я спать хочу! Живо вон из ванной! — Из груди вырывается крик, и я ударяю ладонью по дереву. Чёрт, да я весь дрожу и одновременно сжигаю себя изнутри.

— Тебе никто не мешает, придурок. Сними номер в гостинице! — Кричит в ответ Джесс, и звук льющейся воды стихает. Дверь хлопает. Закрываю глаза и растираю лицо, чтобы прийти в себя.

Я не ожидал такого. Всё мог бы придумать себе, но только не то что моя племянница будет устраивать такой забег на длинную дистанцию. Зои это терпит? Да не поверю! Завтра же позвоню ей и скажу... чёрт, я не могу. Не хочу портить им отдых, значит, завтра кто-то сильно получит по заднице. Пусть развлекается, потому что я вернулся. Заставлю её стать той, кого помню. Хватит с меня этого. Она не должна быть такой, я видел её будущее другим, но не шлюхой. Нет, моя конфетка никогда не станет шлюхой! Никогда!

Головная боль от ночных приключений Джесс с силой сдавливает лобную часть. Голод буквально изъедает желудок, а тело затекло в кресле, которое выбрал для сна в спальне сестры. Здесь было не слышно того, что происходило. И когда моё терпение окончательно лопнуло, то я с грохотом закрыл дверь и поплёлся сюда. Чёрт, меня обижают, что с моим мнением не считаются. На работе все уважают, а здесь сумасшедший дом.

От этого моё настроение ещё мрачнее, чем раньше. Я зол, настолько зол, что мне плевать, как сейчас выгляжу. Тело ломит, голову разрывает, кислота на языке, и абсолютное желание рвать и метать.

Спускаясь по лестнице, слышу девичий смех. Хмурясь, прохожу на кухню, где присутствуют, кроме моей мучительницы, ещё двое. Одна невысокая блондинка с пышными формами, а другая с ядовитым розовым цветом волос, высокая и довольно яркая.

— Что здесь происходит? — Грубо спрашиваю я, чем привлекаю всех щебечущих девушек. Они поворачиваются в мою сторону, а я смотрю в насмешливые глаза Джесс.

— Джи, ты не упоминала о том, что завела старичка, — хихикает блондинка.

— А неплох. Привет, красавчик, — подмигивает мне розововолосая.

Чёрт, они все одеты, словно раздеты. Каждая в коротких шортах, кедах и каких-то обтягивающих топиках. Это модно?

— Чего надо, Флинт? — Недовольно спрашивает Джесс.

— Чего надо? Я тебе сейчас покажу, чего мне надо...

— Оу, это тот самый? — Перебивает меня блондинка, уже с наибольшим интересом оглядывая мои спортивные штаны и футболку, наверное, очень помятую.

— Да, тот самый придурок. Ты мешаешь нам. Мы планируем вечеринку, — кивает Джесс и отталкивается от кухонного островка.

— Юная леди, помой язык с мылом и не только язык. Какая к чёрту вечеринка? Я запрещаю тебе это. Я... — осекаюсь, когда мой взгляд проходит по стройным ногам Джесс и останавливается на розовых трусиках, которые ничего не скрывают, как и короткая футболка. Минутное молчание, прерываемое шёпотом девушек, вводит меня в ступор. Дерьмо, от которого я покрываюсь краской и резко поднимаю голову к потолку.

— Прикройся ты, — недовольно бурчу.

— Это мой дом. Как хочу, так и хожу. Если что-то не нравится, выход знаешь где. Ты точно знаешь, где выход, — ехидно отвечает Джесс. От этого отношения мне уже плевать, как она выглядит, я опускаю взгляд и тут же натыкаюсь на оттопыренную задницу, а её обладательница что-то ищет в холодильнике.

— Так ты будешь на вечеринке, Флинт? — Спрашивает меня блондинка.

— Нет. И вы тоже все живо по домам. Вечеринка...

— Будет, — спокойно перебивает меня Джесс и выпрямляется с баночками газировки. — Она будет самой запоминающейся. Алкоголь. Музыка. Танцы и веселье. Не так ли, девочки?

— А то. Мы планируем её больше месяца, — готово кивает розововолосая.

— Джасмин, на минуту, — указываю взглядом на гостиную, кипя уже от праведного гнева.

— Мне надо с ним разобраться, а вы пока составьте список алкоголя. Бармен у нас есть,

а ещё музыка. Хотя и это есть...

— Джасмин, живо! — Повышая голос, перебиваю девушку, отчего она цокает и закатывает глаза.

Выхожу в другую комнату и терпеливо (вру, ни черта нетерпеливо) жду, когда появится. Как только входит, хватаю её за локоть и тащу к дальней стене.

— Это грубо, Флинт, — нагло заявляет она и вырывает свою руку из моей хватки.

— А теперь слушай меня, девочка, никакой вечеринки, никакого алкоголя...

— А теперь слушай меня, придурок, ты закроешь свой рот и спрячешься, чтобы я тебя не видела. Даже голоса твоего не слышала. Понял? — Со злостью цедит каждое слово. Стерва.

— Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь? — От её слов бросает в жар, который ещё больше распаляет ярость внутри.

— Прекрасно, с уродом, который всё портит, — кивает она.

— Прекрати меня обзывать, иначе я тебе рот вымою с самыми едкими средствами. Ясно? Никакой вечеринки в этом доме, я позвоню твоим родителям, испорчу им отдых, и они прилетят сюда, чтобы надрать твою задницу, — угрожаю, а ей хоть бы хны. Стоит, да ещё и улыбается. Наглая девица, которую я сам готов отлупить. Да ещё не помогают воспоминания ночи, и от этого перевожу взгляд на её губы. Фу, отвратительно, если она...

— Вперёд, потому что мама с папой знают о вечеринке. И они дали добро. Поэтому мне откровенно насрать на твои слова. Только тронь меня, я тебе вибратор в задницу засуну, — заканчивает ядовитую речь таким же смехом, от которого ещё немного и крышу сорвёт.

— Нет, я сказал, — хватаю её за локти и встряхиваю. — Мне хватило по горло того, что ты ночью устроила. Надеюсь, у тебя всё болит сейчас, и так же хреново, как и мне.

— Не дождёшься. Мне нравится, когда болит. Съел, Флинт? — Смеясь, толкает меня, отчего выпускаю её из рук.

— И да, ещё одно. Ты меня раздражаешь, а я не люблю, когда на меня так действуют. Попробуешь сорвать мою вечеринку, я вытащу всё твоё грязное бельё, тем более его в интернете достаточно. Твои жёны обожают обсуждать тебя и твою неспособность их удовлетворить. Такой крупный и красивый, а член так и не вырос. Жалко, — выпячивает издевательски нижнюю губу, а по мне пробегает ледяная волна. Сглатываю от унижения, и хочется выть. Она же ни черта не знает обо мне, как и все они.

— Теперь понимаю, почему ты здесь. Сбежал от женщин, которые тебя бросили. Неприятно, правда? Наконец-то, и ты понял, что такое быть брошенным. Хорошего дня, дядя, — подмигивает мне и медленно направляется обратно на кухню, сверкая оголёнными ягодицами, разделёнными тонкой полоской трусиков.

А для меня это словно удар под дых, такого предательства ещё не видел. Да, я знаю, что они распускают слухи, но не думал, как это скажется на мне сейчас. Мне было плевать раньше, пока сам не услышал. Теперь же и Джесс знает, какой я неудачник. И с членом у меня всё хорошо. Нормальный размер. Прекрасный размер. Обидно и больно. Снова эта девочка уколола по тем участкам, которые хотел бы подлатать. Но сейчас делать это невероятно сложно.

У меня нет выбора, как быстро принять душ, переодеться и смыться из дома, прихватив ключи от машины Скота. Мне следовало бы вернуться и настучать Джесс по её голове, но я бегу. Бегу от всего, что ещё может она сказать мне. Бегу, потому что это мучение слышать от той, кто когда-то был для меня ангелом, нелюбезные речи. Всё разбилось, ничего из прошлого не осталось. И, наверное, это тоже моя вина. Она ненавидит меня, и бесполезно

даже думать о том, чтобы наладить отношения. Их больше нет. Ничего нет, и меня нет.

Я думал, что приеду в Саванну, и всё улучшится. Ответы сразу же найдутся, но ерунда. Наоборот, понимать, насколько ты везде теперь лишний — убийственно. У меня нет никаких достижений, кроме денег и статуса самого глупого мужчины в Нью-Йорке, а теперь ещё и униженного племянницей. Я не знаю, что мне делать. Как справиться со всем этим, навалившимся на меня. Это подобно щелчку. Ты живёшь, наслаждаешься каждой минутой, которая тут же забывается, а потом встречаешь одиночество.

Даже бродить по родному городу становится неприятно. Многое изменилось, всё поменялось, даже старый дом сестры уже снесён, и на этом месте какое-то кафе. Родители продали своё жильё и купили мне квартиру на окраине Нью-Йорка, которая тоже сейчас продана, ведь я поднялся. Для такого как я было стыдно жить в однокомнатной квартире, и появился пентхаус.

Когда-то жизнь мне представлялась иной, где всем правят деньги. Они у меня есть, а вот самой жизни нет. Да, я неразборчив в женщинах. Да, слишком сильно ими увлекаюсь. Да, это мои грехи. Но я не виноват, что такой. Мне необходима была семья, я хотел её. Хотел своего счастья и искал это с каждой, верил в это, жаждал доказать Зои, что у меня всё получится, и я стану не менее прекрасным мужем, как она женой. Ни черта.

Больше ничего не чувствую, кроме разочарования в себе. Мне тридцать, и я никто. Это разрывает меня. Я больше не вижу красок, только выгоду. Больше не знаю, что такое любовь, и есть ли она, вообще. Для меня есть ли? Выдали мне это чувство? И кто их выдаёт, тоже не знаю. Боже, мне плохо. Мне тошно, и я не вижу света. Но разве кому-то это интересно? Нет. Даже мне самому уже не хочется копаться в себе. Лучше бы уехать и снова жить так, как прежде. Но, отчего-то, уверен, как прежде, уже не получится.

Специально провожу в городе время до самой ночи, рассматриваю туристов, жителей и тяну время, чтобы не видеть того, что происходит в доме. Вряд ли Джесс одумается, и не будет воплощать свои идеи. Она сводит меня с ума. Всего несколько встреч, и она буквально обратилась в незнакомку, которая страшит меня, знает обо мне слишком много и угадывает все болезненные точки слёту. Она сильно изменилась внешне. Она чертовски привлекательна. И если бы я не был её дядей, то точно бы уже попробовал уложить её в постель. Хотя это не так сложно, видимо, раз она позволяет себе такое, и прошлая ночь. В голове вновь появляются стоны, слова о её рте, и это ещё больше травит меня. Как только представлю, как её губы обхватывают головку члена, так меня пронзает током. И я не должен даже думать об этом. Мне противно и слишком возбуждает. Это несуразно, противоестественно видеть в ней не девочку, а женщину с довольно притягательными формами, глазами и губами.

— Хватит уже, — мотаю головой и подхожу к старенькому «Форду». А у меня новый «Мерседес», который стоил кучу денег, и сейчас на нём катается моя бывшая жена. Хотя в гараже загородного дома ещё две машины. И снова напоминание о том, какой же я эгоист. Я должен как-то помочь сестре и Скоту, как-то тихо перевести им деньги или ещё что-то. И есть один человек, который знает, как это сделать. Но она вряд ли согласится мне посоветовать. Джесс откровенно ненавидит меня. Прекрасно. Всё мог предположить, но не такие ядовитые чувства от неё. За что? Да, достаточно причин, чтобы это сделать. Но всё же, я здесь, и готов ответить, готов быть нужным, а для неё это лишнее. Вот именно эти мысли не дают дышать.

Уже полночь, и я надеюсь, что вечеринка подошла к концу. Ага, надеялся. Подъезжая к

дому, приоткрываю рот от шума, от громкой музыки, криков, столько машин, что не подобраться ближе. Дом весь светится какими-то огнями, и я ошарашенно смотрю на это всё. Бросаю машину и выбираюсь из неё. Пьяные ребята проходят мимо меня, кто-то, видимо, домой, а вот кто-то, наоборот, только входит в затемнённое помещение, как и я. Это когда-то было гостиной, но сейчас представляет собой клуб. Не протолкнуться, незнакомые лица, даже не обращающие на меня внимания. И я в шоке. Поворачиваюсь и только слышу, как кричат девушки, улюлюкают парни, и везде царит разврат. Кто-то целуется возле стен, кто-то облюбовал диван. Да это — не вечеринка, а оргия какая-то!

Это меня сейчас по заднице ударили? Оборачиваясь, встречаюсь с девушкой, подмигивающей мне, и она тут же теряется в толпе.

— Привет, не хочешь составить мне компанию наверху? — Другая незнакомка притягивает к себе и пытается задушить едким перегаром.

— Нет. Вон отсюда, — отшвыриваю её от себя и пытаюсь подняться наверх. И это сложно. Медленно обхожу пары, валяющиеся прямо на ступеньках. На втором этаже не лучше. Ещё хуже. Все комнаты открыты. Буквально бегу до своей спальни, чтобы спрятаться и прийти в себя, но не тут-то было.

— Какого чёрта? — Кричу, когда замечаю в темноте две пары, трахающиеся на моей кровати. Это уму непостижимо! Это просто... слов нет! Только рвать и метать сейчас!

— А ну пошли отсюда! — Подхожу к ним, и их даже не смущает моё появление. Они продолжают заниматься сексом, словно меня нет. А мне настолько гадко, неприятно и тошно, что хватаю голую девушку и снимаю её с парня.

— Эй, бро, иди выпей...

— Вон! Живо отсюда все вон! — Включая свет, слышу визг и маты. Но меня это мало волнует, как и то, что Джесс всё это позволила. И она тоже где-то здесь. Наблюдаю, как впопыхах ребята натягивают одежду, а парни зло смотрят на меня и выходят из моей спальни с их девушками. Захлопываю дверь и, действительно, оказываюсь в аду. Шум музыки, перебивающийся криками молодёжи, клаксоны автомобилей, и не понимаю, как это терпят соседи. Почему никто полицию не вызвал? Ну, Джесс! Ну, стерва, держись!

Решительно выхожу из своей комнаты и залетаю в её. Но никого нет, вообще, хотя дверь открыта. Выходит, они выбрали для секса только мою спальню? Прекрасно. Просто невероятно прекрасно!

Отталкивая ребят, сбегая на первый этаж и пытаюсь найти Джесс, но людей слишком много. Диджей что-то кричит в микрофон, и новая волна шума! Пластиковые стаканчики, наполненные алкоголем, пропитавшим уже воздух, взлетают тут и там. А я в аду. Не помню, чтобы и я так развлекался. Да, алкоголь был, да и вечеринки тоже. Но не дома, а в клубе. В специальном для этого месте.

— Эй, где Джесс? — Хватаю какую-то девушку за руку.

— Джесс? — Пьяно переспрашивает она.

— Да, Джасмин! Это её дом и её вечеринка! — Дёргаю её, а она шатается, непонимающе хлопая накрашенными ресницами.

— Не знаю... кто такая... я с парнем пришла...

— Чёрт, — отпуская её, выхожу на кухню, и здесь не лучше. Голова кипит от ярости, от безумства, которые выбрасывают меня на задний двор. Хотя бы здесь людей не так много. Точнее, все сосредоточены в доме и в моей спальне, а на лужайке только две девушки, о чём-то болтающие.

Потираю переносицу, и готов взорвать здесь всё к чертям. Сворачиваю к пристройке, где немного приоткрыта дверь. Оттуда слышится стон, кажущийся знакомым. Очень знакомым, и это осознание заставляет приоткрыть дверь, чтобы увидеть в тусклом свете мастерской Скота девушку, лежащую на столе с раскинутыми ногам.

— Ох, чёрт, глубже... давай, — шёпот Джесс, а это именно она, достигает до меня. Распахиваю шире глаза, наблюдая, как незнакомый парень орудует, видимо, языком, под её коротенькой юбкой в складку. Она сжимает его голову и стонет. Кусает губы, выгибается к нему. Длинные волосы свисают со столешницы, а стройные ноги ещё шире раздвигаются.

— Боже... я сейчас кончу... не останавливайся, — молит Джесс, хватая себя за грудь, слава богу, спрятанную под короткой кофточкой.

Она корчится в судорогах оргазма, кричит и извивается, пока парень крепко удерживает её на столе. И от этого сглатываю, тягуче и так вязко. Я должен уйти... не должен смотреть на то, как доступно девичье тело, как оно притягательно. Это грязно, а я двинуться не могу. По позвоночнику проходит токовый разряд и ударяет прямо по члену, накаляя его и укрепляя. Джесс закусывает верхнюю губу и выдыхает, улыбается, поглаживая волосы парня. На её лице невероятное блаженство, и мне хочется увидеть это ближе. Нет, я не понимаю, насколько это противоестественно. Я лишь вижу, как на моих глазах ей делают куннилингус, и она полыхает от страсти. Ощущаю, как воздух накалён, и покрываюсь потом. Меня оглушает осознание того, что готов сам дотронуться до себя и кончить.

— Хороший мальчик, — появляется лицо парня, красное и незнакомое. Он облизывает губы и поднимается к ней.

— Теперь твоя очередь, Джи, — хватая её за затылок, а она тихо смеётся.

— Я уже удовлетворена, поищи кого-нибудь другого, — хлопает его по щеке и отталкивает.

Отмираю в секунду, делая шаг назад, и затем бегу обратно в дом, чтобы прижаться к стене и понять, что это было. Что со мной происходит? Я не должен так возбуждаться, наблюдая за развратом. Чёрт, я не ханжа, но это... это было более, чем эротично. Пробовал и оргии, и групповые сеансы, но всё было иначе. Скука. А сейчас перед закрытыми глазами продолжаю видеть лицо Джесс, искорёженное от желания получить оргазм, от наслаждения, и это ещё более заставляет окрепнуть член. Отвратительно, именно так. Но я попал в водоворот разврата, которого словно давно уже не знал. Да, секс стал чем-то обычным для меня за последние два года. А сегодня... сегодня я чувствую себя потерянным. Этот большой мир, яркие огни кружатся вокруг меня, и чувство тошноты подкатывает к горлу. В ушах шумит, меня даже трясёт оттого, что эмоции накрывают с головой, забивают мои глаза, рот, и даже нос чует аромат похоти вокруг. Мелькает короткая розовая юбка в складку, поднимаю взгляд и вылавливаю распущенные светлые концы волос.

— Джесс... — хриплю, отталкиваясь от стены. Цепляюсь руками в ребят и разбрасываю, словно обжигаюсь о них. Кручу головой, повторяя снова и снова её имя, но нет. Она уже исчезла, и я вновь слышу смех, кто-то щупает меня за задницу, а другая рука проходит по рубашке на груди.

— Отвали, — цежу, и даже не думая о том, с какой силой толкаю человека позади себя, снова толкаюсь среди людей. Чёртов ад из миллиона лиц, улыбок, поцелуев, стонов. И я схожу с ума. Калейдоскоп вращает меня, и паника, такая ядерная, всё тело покрывается липким потом.

Поворачиваю голову и наблюдаю, как под звуки рока, ударяющего по вискам басами,

прыгает девушка, являя всем голые ягодички. Она даже без белья, и стоящий рядом парень не упускает возможности схватиться за её задницу и притянуть к себе. Завладеть губами, и она отвечает ему, а я его вижу в первый раз. Это уже третий на моей памяти за такое короткое время. И всё это снимает пелену с глаз, рождает внутри невероятной силы гнев, и злость, которую не помню ни разу в своей жизни. Никогда я не горел так сильно, чтобы стать чудовищем.

Сцепляя зубы, разворачиваюсь и направляюсь к стойке диджея.

— Эй... — не даю ему даже воспротивиться и с силой толкаю, отчего он падает в толпу.

Вырываю из розетки все шнуры, и наступает тишина. Десятки глаз устремлены на меня, но я нахожу одни, изумлённые, через секунду насмешливые.

— Все. Вон, — громко произношу, раздаются возмущения. Со всей силы ударяю по ноутбуку, который стоит передо мной, и он потухает.

— Вон! Я сказал! Если увижу кого-то через минуту, вызову полицию! Проведёте время в тюрьме! Вон! — Хватаю ноутбук и швыряю в стенку.

Визг, крики и полный бедлам, пока молодёжь сбегает, толкая друг друга.

— Флинт! Мать твою! Ублюдок! — Среди всех распознаю голос Джесс, она медленно подходит ко мне. Голубые глаза сверкают от ярости, маленькие ручки сжимаются в кулаки, а меня это ещё больше злит. Стерва. Потаскуха. Убью. Действительно, хочется придушить её, сжать её горло и услышать слова извинений за всё, что она во мне затронула.

— А ты сейчас получишь, — указываю пальцем на Джесс и спрыгиваю с импровизированной сцены.

Меня мало волнует, что обо мне подумают ещё оставшиеся люди. Смотрю на неё, готовую драться со мной за эту паршивую жизнь, но мне этого мало. Мало остановить бедлам и рассадник похоти, мне нужно наказать её. Именно она стала моим кошмаром сегодня, она разрывает всё внутри, и она же поплатится за это.

— Как ты смеешь?! Будешь оплачивать...

— Закрой рот! Закрой свой грязный рот! — Повышая голос, хватаю её за руку и тащу за собой.

— Отпусти меня! Флинт! Живо отпусти меня! Убью! Козёл недоразвитый! — Визжит Джесс, пытаюсь вырваться. Обхватываю её за талию и несу по лестнице.

— Я покажу тебе, какие бывают последствия! Научу, как это быть приличной! Шлюха! — Меня не особо трогают её попытки освободиться. Я сильнее её, крупнее и выше на целую голову. Во мне сейчас огромная мощь и желание раздавить её в своих руках. Причинить такую боль, которую она на всю жизнь запомнит. И подливают масла в огонь картинки разбросанных ног, её стонов и порочной мольбы.

— Отпусти меня! Ненавижу тебя! Хочу, чтобы ты навсегда оставил нас! Навсегда! Ты не нужен здесь! Ты лишний! Предатель! Подонки! — Кричит Джесс и я, расслабляя руки, толкаю её к стене в ванной.

— Подонки? По какой причине я стал подонком? Потому что не желаю видеть, как тебя трахают? Потому что это всё не ты, Джасмин? Ни черта я не лишний! Тебе порки не хватало! Ты избалованная маленькая потаскуха! — Воздуха не хватает от злости, кипящей внутри.

— Да, шлюха! И мне нравится быть такой! Мне нравится трахаться с разными парнями и сосать! Обожаю члены! Обожаю трястись от оргазмов! Обожаю быть потаскухой! — Безумный смех вырывается из её груди, и это ужасает. Ужасает то, что она превратилась в низшее существо, которое даже не понимает, насколько это унижительно быть такой.

— А ты же питаешься шлюхами. Ты выбираешь их, чтобы насадить на свой член, а потом жениться на них. Так чего ты возмущаешься? Лицемер! Ты хотя бы знаешь, как тебя называют? Тупой кобель, без разбора трахающийся со шлюхами. Наркоман, наслаждающийся развратом. Не строй из себя добропорядочного, ты окончательно потерял это свойство. Это ты шлюха, которую использует каждая девка, умеющая сосать. Ты... — не выдерживаю оскорблений, они до боли стягивают сердце, и происходит взрыв.

В одну секунду хватаю Джесс за волосы и наклоняю над раковиной.

— А вот теперь я вымою твой язык с мылом, — шипя, открываю воду и выдавливаю жидкую суспензию на руку.

— Отпусти! Больной...

— О, да, больной, наркоман. Что ещё скажешь, шлюха? Чем ещё бросишь в меня? — До безумия сейчас схожу с ума, хватая её рот и, заставляя его открыться. Дерётся ногами, ударяет по мне, даже царапает ногтями руку, но удаётся растереть на её языке мыло. И никакого удовлетворения.

— Отмою твой рот, чтобы ты напрочь забыла о том, что такое член! Вкусная сперма была? Так вот вкуси ещё и мыла! — Мне мало. В такой ярости я ещё не был. Кажется, злее стать нельзя, но с каждой секундой это только нарастает. Наслаивается, пока я натираю её язык и с силой подставляю рот воде. Капляет, удары становятся слабее.

— Я убью тебя... кастрирую... — шипит, выплёвывая воду, разбрызгивая её по всему пространству.

— Убьёшь? Попробуй! Сейчас ты получишь! Получишь за всё, что сделала! — Подхватываю пальцами её юбку и немного отклоняюсь. Оголённые ягодички так манят, создавая алый туман в голове.

— Нравится секс? Так получай! — С огромным размахом и немыслимой силой моя ладонь встречается с её кожей. Дёргается. Кричит, но я ещё грубее хватаю её за волосы, чтобы она захлебнулась в воде.

— Нравится быть оттраханной? Нравится узнавать, что такое взрослая жизнь? Пожалуйста! Боль нравится? И это я тебе дарю! — Новый удар, а ладонь горит. Её кожа окрашивается в розоватые отблески моих отпечатков, а мне мало. Ударяю снова и снова, пока она не затихает, и до разума не доносятся тихие всхлипы.

Секунда, чтобы понять насколько у меня болит рука. Секунда, чтобы резко выпустить её и отскочить. Секунда, чтобы остыть моментально и ужаснуться своему поведению. Довела... довела до сумасшествия, и я не узнаю теперь себя. Чудовище.

— Ненавижу, — тихо плачет Джесс и выпрямляется. Косметика на её лице стала жутким зрелищем, глаза опухли и красные от слёз, а они текут по её щекам.

— Конфетка...

— Ненавижу тебя. Когда-то я думала, что ты часть моей души. Когда-то думала, что ближе человека у меня не будет. Когда-то я ждала тебя. А сейчас ненавижу, но уже иначе. Ненавижу тихо и в сердце. Ненавижу за то, что ты унизил меня. Ты никто... никогда не станешь большим снова... ненавижу, — каждое слово сопровождается всхлипами и замечаю, как её трясёт. Какая она маленькая и слабая. А я ублюдок.

— Джесс... прости... я... не знаю... Джесс... — делаю шаг к ней, хотя мне так противно от самого себя. Я в ужасе, в ступоре оттого, что, действительно, отлупил её.

— Не подходи, — выставляет дрожащую руку вперёд и пятится к двери, ведущей в её спальню.

— Джесс, прости меня, я с ума сошёл... не ведал, что делаю... я...

— Хочу, чтобы ты исчез. Навсегда. Без тебя... без тебя было намного лучше. Ненавижу тебя... не подходи ко мне... не смей... — её тихие всхлипы тонут в грохоте двери, которую она закрыла передо мной. И меня бросает в ледяной пот, он скатывается по мне. Так и держу ладонь перед собой, смотрю, как полыхает кожа, и мне страшно. Я не знал, что могу на такое решиться. Не знал... но оправдание у меня есть. Мне не хочется, чтобы она была такой. Я мечтал видеть совершенно другого человека, который не будет говорить мне о том, как любит мужчин. Я мечтал, чтобы она стала намного лучше, чем я. Но узнаю себя. В этом создании отчётливо вижу себя. Отражение, которое тоже противно.

Эти мысли сдавливают грудную клетку, словно меня бьют по ней. Сердце отвечает такими же острыми ударами, а слышать плач Джесс через дверь, усугубляет моё состояние.

— Джасмин, прошу, открой. Я... прости меня... прости... прости... — шепчу, выключая воду, и сбегая к себе. Сжимаю руками голову, чтобы оборвать повторяющиеся события. Не видеть перед глазами то удовольствие на её лице, то слёзы. Не повторять её слова внутри и не причинять себе боли. Да я всё вытерплю, но не её боль. А я причинил ей эти страдания. Не моё это дело было лезть в её воспитание. Не моё дело... я лишний. Здесь всё чужое, не моё. Я стал самым чуждым звеном в семейной цепочке. И я усугубил положение.

Не знаю отчего, но хочу, чтобы именно она приняла меня. Разрешила остаться, позволила узнать её снова и подружиться. Ведь я её дядя, хотя всё, что сегодня произошло со мной, совершенно вышло за рамки семейных отношений. Мне лучше уехать, бежать отсюда, чтобы не натворить глупостей. Я и так их сделал достаточно. Сам показал ей, что быть доступным это правильно. И меня рвёт изнутри, меня трясёт от понимания этого. Разорвать бы грудь, разорвать самого себя за ошибки, за неверный пример, и вернуть обратно то время, когда мог бы что-то исправить. Быть с ней, наблюдать за всем и не позволить оступиться. Но всё уже сделано. Моя глупость и юность, жажда скрыться и доказать неведомо кому и неведомо что, сотворили непоправимое.

Выхожу из своей комнаты и как в тумане бреду по коридору, где разбросаны стаканчики. В доме тихо, только бардак, перевёрнутая мебель, разбитый плафон, липкий пол и отвратительный запах. А меня это не волнует. Сажусь на диван и просто смотрю впереди себя. Не знаю, когда я превратился в этого мужчину, который сейчас живёт во мне. Не понимаю, какой чёрт меня дёргает дотрагиваться до девушки, которая приходится мне племянницей. А ещё страшнее осознавать, что мне это нравится. Нравится ругаться, нравится воспитывать, нравится видеть страсть в её глазах, даже когда она говорит ужасные вещи. Нравится до сих пор горящая ладонь и воспоминания, где картинка подстраивается под мои фантазии. Где только для меня звучат стоны родной племянницы. Кажется, что воздух, сгущающийся вокруг меня, знает мои мысли. Знает обо всём и смеётся.

Я должен уехать, потому что со мной творится что-то страшное. Это было ошибкой сюда вернуться, ошибкой думать о том, что разберусь в себе. Нет! Я не изменюсь, причин нет. Вновь прилечу в Нью-Йорк, встречу кого-нибудь, чтобы забыть об этих происшествиях. А потом женюсь. Это мой чёртов круг ада, который неподвластен мне. Но последнее, что я должен сделать, это извиниться. И пусть моя жизнь летит к чертям, пусть я потерял себя уже давно, и нет смысла искать. Но её спасу. Только как, когда чувствую себя больным монстром?

Поднимаюсь обратно в таком же тумане и сумятице, с болью и кровяными сгустками в сердце.

— Джесс, открой, нам надо поговорить, — тихо стучусь в её спальню. — Джесс, я не

хотел, чтобы ты меня ненавидела. Я ведь помню тебя другой... чёрт, да мне сложно видеть, как тебя трогают. Сложно наблюдать, как ты корчишься от оргазма. Я не могу принять этого. Джесс.

Надавливаю на ручку, и она поддаётся. Думал, что заперта.

— Джесс, конфетка, прости меня, — продолжая раскаяние, вхожу в тёмную спальню. Но ответа нет. Осматриваю каждый уголок, ничего. Только окно настежь распахнуто, и она ушла. Убежала от меня, испугалась и ещё больше дорвала моё сердце.

— Прости меня, — запускаю пальцы в волосы и смотрю в пустоту.

Сладкий аромат, который всегда преследовал меня, кружится вокруг, напоминая, что изменилось всё. Время ушло, и никто его не подарит вновь, чтобы доказать единственному человеку, который верил в меня, — я достоин этого. Нет.

Расплачивайся, Флинт, ты сам виноват. И пусть боль сожрёт тебя до основания. Потеряй человеческий облик, стань настоящим посмешищем, и вот она твоя жажда быть другим. Ты стал им. Только принесло ли это счастье?

Два дня мучений и ожидания. Два дня, за которые убрал весь дом, восстановил поломки и продолжал ждать. Джесс так и не появилась. А я не знаю, что мне делать. Принял решение: уехать, но для начала нужно извиниться. И как назло, её нет. Это ещё больше сводит с ума, чем безумная вечеринка и порнографические картинки в голове. Даже из дома выходил всего на пару часов, чтобы не пропустить возвращение Джесс. Нет. Ничего. У меня не остаётся выбора, как позвонить сестре, чтобы узнать адреса её подружек. Думаю, она у них. Не хочу, но я должен это сделать. Обязан вернуть Джесс домой и объясниться, иначе вина съест меня и оставит только кости.

На третий день не выдерживаю ломки, и после долгих гудков, наконец-то, раздаётся сонный голос:

— Да.

— Зои, привет. Прости, что отвлекаю тебя от отдыха. Но мне нужно... хм, мне нужен адрес подруги Джесс. Меня пригласили на вечеринку к одной из них, но я не запомнил куда, — кривлюсь ото лжи.

— Флинт?

— Да, это я.

— Ты собрался на вечеринку? — Удивляется Зои, а на заднем фоне слышится голос Скота.

— Да, чтобы следить за Джесс и не дать ей попасть в неприятности.

— Понятно, — смеётся она. — В нашей спальне правая тумбочка, там, в блокноте найдёшь фамилии Дриз и Атейнсон. Тебе они и нужны. У вас всё хорошо?

— Да, всё прекрасно. Мы поговорили с Джесс и пришли к согласию, — заверяю её.

— Молодцы. Хорошей вечеринки, только прошу, не женись ни на ком...

— Зои, всё. Хорошего отдыха, — закатывая глаза, кладу телефонную трубку на место.

Нет, я, конечно, идиот, но не настолько, чтобы жениться на восемнадцатилетней. Да, и это пахнет педофилией. Они же дети совсем, хотя игры у них совершенно не детские. Взять Джесс и этот образ на столе. Всё, не думай об этом.

Нахожу упомянутый блокнот и переписываю себе адреса. Выезжаю из дома, сначала по первому, там мне сообщают что их дочь находится у Кади Дриз, как я узнал это та самая блондинка. Останавливаюсь у большого дома, который явно на разряд лучше, чем у моих родственников, и неприятное чувство снова появляется внутри. Я мог бы им купить такой же, даже лучше. Построить что-то необычное, сделать чертёж, прислать своих строителей. Всё мог, но не сделал. Нажимаю на звонок и делаю глубокий вдох. Через несколько минут передо мной распахивается дверь, и удивлённый взгляд блондинки скользит по моему телу.

— Привет. Я Флинт, дядя Джесс. Она у тебя? — Спрашиваю её.

— Эм... привет. Нет, она не у меня, — медленно отвечает девушка.

— Врёшь. Позови её.

— Да, правда, у меня её нет. Джи исчезла после вечеринки, которую ты испортил. У неё бывает такое. То пропадает, то появляется. Может быть, у Билли, хотя нет, она с ним рассталась вроде бы. Не знаю, — пожимает спокойно плечами.

— Ты же её подруга, должна знать обо всём. Там тайны и девичьи штучки, — прищуриваюсь, не веря ей.

— Джи скрытная. В плане своих мыслей и желаний, а я не настаиваю.

— Ясно. Если появится здесь, то передай ей, что я уезжаю и хочу с ней поговорить. Идёт?

— О'кей, — кивает она.

Разворачиваюсь и иду по дорожке, как слышу смеющийся голос:

— Эй, трахни меня, а это правда, что ты был женат десять раз?

— Что? — Недоумённо оборачиваюсь.

— Джи говорила...

— Как ты назвала меня?

— Трахни меня. Так Джи тебя называет, — продолжает хихикать, а моя челюсть сейчас отвалится.

— Ну так что? Ты был женат десять раз? И сейчас разведён?

— Я был женат пять раз. И, да, сейчас разведён, — зло цежу я.

— Не хочешь снова жениться? Обещаю, буду хорошей девочкой, — это издевательство какое-то. Даже до этого города дошла моя «слава».

— Нет. Не собираюсь связывать себя узами брака. Да и хорошие девочки ведут себя иначе, чем ты и твоя подруга. Удачи, — едко отвечая, иду к машине Скота.

Прекрасно. Замечательно. Одуреть! Как Джесс, вообще, могла рассказывать им про меня? Да и выставить в таком свете? Почему «трахни меня»? Что за пошлость? Унизительно. Есть место, где никто не будет знать меня? Хоть маленький остров, куда я свалю с этой планеты? Чёрт возьми, что происходит? «Трахни меня». Я же её дядя, в конце концов, хоть какое-то уважение должно быть! Нет, она меня ни во что не ставит. Супер.

Щёлкаю пультом, меняя картинки на экране, и не помню, чтобы вечером находился дома. Никогда. Даже когда был женат. Мы всегда были или в баре, или в ресторане, или на каком-то приёме. Моя жизнь была наполнена движением, гонкой в никуда. А сейчас тишина, какое-то спокойствие, которого никогда не знал.

Над головой раздаётся глухой грохот, и я подскакиваю на ноги. Выключаю телевизор и прислушиваюсь. Определённо наверху кто-то есть. Вот ещё не хватало грабителей. Хотя, что здесь брать? Осматриваясь, не вижу ничего подходящего. Да и плевать как-то. Честно мне всё равно, даже если прикончат. Медленно поднимаюсь по лестнице и ничего больше. Ни единого звука. Может быть, окончательно спятил? Но всё же, останавливаюсь у комнаты Джесс и нажимаю на ручку двери. Заглядываю и различаю силуэт девушки, сидящей на широком подоконнике.

Облегчение, даже некое подобие радости появляется в груди, когда слышу грубый голос:

— Свали отсюда.

— Конфетка, прости меня. Я искал тебя. Где ты была? — Закрываю за собой дверь и подхожу к Джесс.

Не менее короткие шорты, бесформенная майка на одно плечо и волосы, собранные небрежно на макушке. Но взгляд привлекает иное. Огонёк, который озаряет лицо девушки, и затем дым, о котором уже забыл.

— Ты ещё и куришь, — горько усмехаюсь, когда она снова затягивается и поворачивает ко мне голову, демонстративно выдыхая дым.

— Свали отсюда. Серьёзно, Флинт, у меня нет желания видеть тебя после того, что ты сделал, — как-то безжизненно, что несвойственно ей, произносит Джесс и вновь смотрит в открытое окно.

А я не могу двинуться, смотрю на неё и сейчас вижу совершенно другого человека. Я не знаю её, не понимаю, для чего это всё. И все решения рушатся, вытаскивая желание остаться. Наблюдать за ней, как подносит к губам сигарету и втягивается. Как выпускает пухлыми губами, невозможно красивой формы, дым, и затем цокает.

— Ты перестал понимать человеческую речь? — Бросает на меня усталый взгляд.

— Прости меня. Правда, я никогда в жизни не бил женщин. А в тот момент... чёрт, Джесс, это так сложно объяснить. Я ведь помню тебя ребёнком, который даже слова «секс» не знал. А сейчас вижу разгульную девушку, употребляющую алкоголь в непозволительных дозах, курящую и трахающуюся со всеми, у кого есть член. Прости, у меня крышу сорвало. Мне сложно, понимаешь? Сложно принять это, но мне нет места нигде. Ты права, я знаю, что такое быть преданным и брошенным. Прости меня, миллион раз прости за то, что сделал. Наверное, прошлое слишком ярко запомнилось мне, потому что там была ты. А в эти дни... скажи хоть что-то. Поговори со мной, пожалуйста, мне необходимо это, — подхожу к её ногам ближе и облакачиваюсь о распахнутую створку окна.

— Мне нечего тебе сказать. Уходи. Лучше уезжай и найди себе ещё кого-нибудь, забудь о нас и живи, как раньше, — прочищает горло и снова затягивается. А я вдыхаю забытый дым, и мне так хочется снова быть безумным, полным амбиций и живым. Но сейчас, в эту минуту, никто из нас не живёт. Она ведёт себя очень странно, даже нет ни одной эмоции, и это убивает. Лучше бы кричала, бросала в меня чем-то, но тихая ненависть страшна.

— Поделишься? — Спрашиваю я, и она поворачивается, приподнимая брови.

— Сигаретой поделишься? — Указываю на пачку, лежащую у неё на ногах.

— Ты же не куришь больше. Бросил, стал правильным в этом, — усмехается Джесс.

— Задолбался, конфетка, я быть таким. Хочу вернуться в прошлое, где всё было красочно. Поделись со мной этим, потому что меня трясёт от аромата, едкого и такого нужного сейчас.

Притягивает ноги к груди и садится ровнее, взглядом показывает мне сесть напротив. И благо подоконник достаточно большой, думаю, сделан специально для неё и таких посиделок. Опускаюсь напротив и поднимаю одну ногу, а вторую свешиваю. Бросает мне пачку. Ловлю моментально. И что-то внутри переворачивается. Достая сигарету и зажимаю между зубов. Ох, чёрт, это такое наслаждение. Покурить. Вторая моя жена была против этого, и я бросил, желал, чтобы она была счастливой. Она-то такой стала с моими деньгами, а я вот лишился губительной радости.

Только хочу спросить о зажигалке, как Джесс пододвигается ко мне и приближает своё лицо. Сигареты встречаются, а я смотрю в её глаза, не осуждающие, не требующие ничего, только искрящиеся ожиданием. Делаю несколько резких вдохов, и сигарета зажигается. Улыбаясь, подхватываю пальцами её и выдыхаю дым. Чёрт, я готов кончить от горького аромата, впитывающегося в лёгкие. Блаженство.

Джесс отодвигается и прижимается спиной к противоположной стороне оконного проёма. Закрываю глаза и упираюсь затылком, тишина окутывает, и я знаю, что она за мной наблюдает. Мне не хватало этого. Её не хватало так сильно, но только сейчас это понимаю.

— Я блефовала, — подаёт голос Джесс.

— По поводу? — Закуривая, интересуюсь я.

— Ничего нет в интернете про тебя и твоих жён, кроме упоминания о разводах. Я блефовала, — пожимает плечами, а я издаю смешок.

— Ты задела меня. Сильно задела.

— Знаю. Мне этого и хотелось. Я ненавижу тебя за то, что ты сделал. Правда, ненавижу, и смотреть на тебя не могу, — кривится и тушит сигарету в пепельнице, установленной прямо за окном.

— Почему? Почему ты не простишь меня? Ведь я всего лишь человек, и тоже могу совершать ошибки, — сглатываю горечь и кручу между пальцами сигарету.

— Не могу. Ты ни разу не позвонил нам. А я оставляла для тебя сообщения, когда нужна была твоя помощь. Ты не ответил. И мне неприятно, мне отвратительно оттого, что ты приехал, словно ничего не было. Приехал и ждёшь от меня понимания. Нет, я не понимаю. У тебя была прекрасная жизнь, она и сейчас у тебя такая. Ты просто зажрался. У тебя куча денег, столько же женщин, развлечений, и меня тошнит от тебя, — поднимает на меня голову, и я вижу это в её глазах. Вижу всё, о чём она говорит. А мне и сейчас нечего ответить. Она права, я именно такой, и причинил ей боль за то, что не всё вышло, по-моему.

— Каждая из моих жён мне изменяла. Первая вышла за меня, чтобы получить гражданство Америки и потом развестись, чтобы её парень тоже получил его. Он пришёл ко мне в нашу квартиру и сказал, что его терпение закончилось. Тогда я ещё не составлял брачный договор и отдал ей все деньги, только чтобы сохранить квартиру, подаренную родителями. Вторая. Она была идеальной, принцесса, которую я носил на руках. Пышная свадьба, сотни гостей, и статья в журнале. Я пропадал на работе, чтобы она могла купить себе брендовые шмотки. И однажды вернулся в нашу новую квартиру, а она там была не одна. Третья моя жена... это был самый быстрый брак за всю мою жизнь. Несколько часов. По пьяни женился в Лас-Вегасе и там же развёлся. Утром, когда понял, что сделал. Четвёртая была старше меня на пять лет, и я решил попробовать, а как это быть младше. Она была умной, хитрой, и только потом узнал, что у неё есть рабы. Мужчины, которые прислуживают ей. Мне было гадко. Пятая. Я думал, что нашёл ту самую. Милая, спокойная, ей было двадцать три, когда мы поженились. И этот брак длился два года, но она устала ждать меня с работы, устала не получать ласки и каждодневного секса. Изменила мне, и сама же призналась. Призналась во всём, что любви-то и не было. Она только хотела статуса. И в один момент я понял, что гонялся за призраком. Ничего в этом мире хорошего нет. Да, я богат, но потерял себя, — сильнее затягиваюсь сигаретой и так гадко в душе. Так обидно за всё. Чувствую себя слабым, до безумия слабым идиотом, который повёлся на сказки и стал посмешищем. Сейчас же не до смеха. Сейчас я сижу и прокручиваю в голове всю свою пустую жизнь. Она была именно такой.

— Им не хватало секса с тобой? Ты не мог? Или скорострел? — Спрашивает Джесс. Боже, я не могу обсуждать с ней это. Она ждёт ответа, спокойно смотря на меня.

— Нет, я не скорострел. Но уставал, сильно уставал, потому что работал. У меня иногда не было времени позавтракать. Я хотел обеспечить каждую, а они не желали этого понимать. Возможно, это и моя ошибка. Возможно, я всё видел, и мне был неинтересен секс с ними. Я хотел семью, — наклоняясь, тушу сигарету и снова возвращаюсь на своё место.

— То есть причина в твоих свадьбах, это желание иметь семью? — Недоверчиво переспрашивает Джесс.

— Зои когда-то сказала, что не выйдет у меня ничего. А ты верила в меня. Я хотел доказать — всё получится. Из всех сил это делал, а итог ты знаешь. Я разочаровал сестру, тебя, даже родителей предал. Приехал сюда, и не знаю почему. Но притянуло меня. Мне плохо, конфетка, плохо, и я знаю, что это не подобает мужчине. Потерян в себе и не понимаю, кто я такой. Смотрю на всё с отвращением, больше не доверяю никому, да и

секс не привлекает. Я попробовал в этой жизни всё, и она не показала мне ничего хорошего.

Не помню, чтобы когда-то я так просто говорил с женщиной, девушкой, любой из моих партнёрш. Для них всегда хотел быть самым лучшим, без изъянов, эдакий прекрасный принц, у которого всё отлично. А вот сейчас всё наоборот. Она видит меня в самом неприглядном свете, и это правильно. Отчего-то правильно. Наверное, только ей и смог бы признаться во всём.

— Ты пробовал не то, для чего был рождён, Флинт. Ты ошибся в самом начале, и не жизнь виновата в этом, а сам ты. Мне не жаль тебя, и радости тоже не испытываю. Ничего, — равнодушно отзывается Джесс и отворачивается от меня.

А чего я ждал? Что она тут же упадёт на мою грудь и заверит, что я всё же лучший? Что это мир жесток ко мне, и я пока не нашёл ту самую, а она вот-вот появится? Я заслужил только хорошее? Нет. Она честна и это, на удивление, не приносит боли или же обиды, а нечто иное. Принятие прошлого. Это очень важно, потому что раньше не мог этого сделать. Всегда искал причины моих ошибок в других, отбеливал себя в своей голове и не видел настоящего хода событий. Вот сейчас я это вижу.

— Ты упомянула... хм, у Зои было два выкидыша. Почему? — Вспоминая, спрашиваю её.

— Проверь свою почту, найдёшь много интересного, — фыркает она. Наверное, сейчас последует снова приказ выйти вон или же что-то в подобном духе, но проходят секунды, а она не двигается. Смотрит в окно, а я просто жду, что будет дальше.

— Первый — случился давно, когда мне было лет тринадцать. Срок был небольшой. А второй раз — два года назад. Внематочная беременность, мы её чуть не потеряли, — Джесс сглатывает, а я закрываю глаза от невыносимого стыда.

— Ей сделали операцию. Я звонила в твой офис, переборола себя и позвонила. Мне сообщили, что у тебя свадебное путешествие, и ты в Европе. Вернёшься только через пару недель, и просил тебя не беспокоить. Дальше я не слушала. Ей нужен был ты, когда она отходила от наркоза, то звала тебя и папу. А ты развлекался, — упрекает меня, делая ещё гаже на душе.

— Если бы я знал...

— Но ты не знал, потому что не хотел знать, — резко обрывает меня. — Скажи, как ты мог? Неужели, у тебя не осталось ни грамма любви к своей сестре? Я не говорю о нас, мы тебе никто, но сестра ведь должна быть тебе самым близким и родным человеком. Именно к ней ты и сбежал. Именно она осталась у тебя, когда все, кого ты якобы любил, бросили тебя.

— Джесс... не могу ответить. Не надо так со мной. Да, я подонок ещё тот, но я готов быть другим. Я не могу вернуть прошлое и переиграть его, но в моих силах сделать что-то сейчас, — выпрямляясь, пододвигаюсь к ней. Прищуривается, словно решая: поверить мне, или же нет. А я хочу, чтобы она верила. Мне необходимо это. Я желаю обратно свою конфетку.

— Прости меня, я готов сделать всё, чтобы ты простила меня и помогла мне...

— Вымой язык с мылом и отшлёпай себя, — ехидно предлагает она.

— Хорошо. Вымою, но отшлёпать себя будет очень сложно, — отчего-то издаю смешок, и она приподнимает уголок губ.

— Прости меня за то, что я сделал. Я говорю о том вечере, после вечеринки. Но пойми меня, в моей голове пока не укладывается, что ты выросла и очень... с каким-то идиотским сумасшествием любишь секс. Так одеваешься, выражаешься, и стала другой. Для меня это

перелом всех воспоминаний, и я сорвался. Ведь хочу для тебя лучшего, правда, хотя бы для тебя, — дотрагиваюсь до её оголённых коленей, и Джесс вздрагивает от этого прикосновения.

— Позволь мне реабилитироваться в твоих глазах, потому что что-то подсказывает мне, именно твоё одобрение для меня важно. Разреши мне снова узнать тебя, подружиться и наладить отношения. Обещаю, что больше не брошу вас. Никогда, — тихо добавляю я.

— Это только слова, Флинт. Они не имеют никакого значения, особенно твои обещания, — сбрасывает мою руку с себя.

— Но я обещал не тебе, а небесам, насколько помню. Если кто-то и должен обижаться, так они, — напоминаю ей.

— А ты разве не чувствуешь их обиду? — Бросает взгляд на небо, а затем снова на меня.

— Я чувствую только твою обиду, злость и ненависть, это неприятно, — кривлюсь и поднимаюсь с подоконника.

— Это и не должно быть приятно. Это должно принести боль.

— Так она во мне. Что ещё нужно, чтобы раскаяться? Что ты хочешь, чтобы я сделал? — От злости, оттого что продолжает давить на мои нервные окончания теперь уже всей души, поворачиваюсь к усмехающейся Джесс.

— У меня много желаний. Очень много желаний, Флинт, — издевается, а я на секунду закрываю глаза, чтобы взять себя в руки и не начать орать.

— Трахни меня, — произношу вслух то, что в момент вспыхивает в голове.

— Что? — Недоумённо переспрашивает Джесс.

— Я... твоя подружка, не запомнил имя, я был у неё сегодня, и она сказала, что ты дала мне кличку. «Трахни меня». Почему она?

— Сучка, — кривится девушка. — Первые буквы. Флинт Миллард. Трахни меня. А если третьим словом добавить твоё второе имя Хеил, то получится — «трахни меня жёстче».

— Одуреть, — шокировано шепчу.

— А это не так? Ты трахаешь всё, что движется. Эта кличка идеально подходит тебе, трахни меня, — хихикает Джесс.

— Стерва. Ты не можешь так меня называть, — указываю на неё, чем вызываю ещё больший смех. Непроизвольно сам улыбаюсь.

— Могу. Это же, правда, Флинт. Таков ты. Сколько у тебя было женщин? Сотни. Так чего ты возмущается? «Трахни меня» — это ты.

— Ты тоже трахаешь всё, что плохо лежит. Зачем? Ты же понимаешь, что это может повлечь за собой нежелательные последствия. Чёрт, да даже болезни, — её улыбка обрывается, из весёлой становится до безумия эротичной.

— При виде меня ничего не лежит, Флинт. Наоборот, стоит так, что сводит с ума. И мне нравится набираться опыта, пробовать многое. Тем более я предохраняюсь, у меня целая коллекция презервативов, и есть таблетки от нежелательной беременности. Мне нравится это. Нравится наслаждение и оргазмы, а тебе, видимо, нравится за мной наблюдать, — свешивает ноги с подоконника и откидывается, отчего ткань на груди натягивается и демонстрирует отсутствие бюстгалтера.

— Эм... не понимаю, о чём ты говоришь, — мотая головой, перевожу взгляд на вид за окном.

— Флинт, ты стоял прямо в дверях, когда этот... а не помню его имени, мне отлизывал. Ты смотрел, извращенец. И тебя было сложно не заметить, — растягивает слова, а я готов

сквозь землю провалиться.

— То есть ты знала, что я там, и продолжала? — Возвращаю своё внимание на лицо Джесс.

— Это заводит. Признаюсь, это заводит сильно. Я так ещё не кончала. Понравилось?

— Боже, я не собираюсь с тобой обсуждать это, — возмущённо всплёскиваю руками.

— Ты уже начал, трахни меня, сам начал это делать. Ты возбудился, да? Месяц без секса для тебя подобно аду, наверное. Мозоли не натёр? — Смеётся и подскакивает на ноги.

— Прекрати, — делаю шаг от неё, а она, словно кошка, медленно, покачивая бёдрами, подходит ко мне.

— Передёргиваешь? — Её глаза даже в темноте так странно блестят, отчего я сглатываю, ощущая, как возбуждение уже подбирается ближе к мошонке.

— Я не буду говорить с тобой о моём члене, Джасмин, — делаю ещё один шаг назад. — Ты моя племянница и ты... чёрт, это противоестественно!

— Ошибаешься, трахни меня...

— Хватит так меня называть!

— Трахни меня жёстче, ты ошибаешься. Я всего лишь девушка, неродная тебе племянница, и у тебя стоит на меня. Я собираюсь мастурбировать и лечь спать. Хочешь посмотреть? — Обходит меня, а внутри бушует множество эмоций. От её тихого и полного эротического подтекста голоса всё тело напрягается.

— Нет... и не говори мне такое. Я твой дядя. Я на двенадцать лет тебя старше...

— И ничего не умеешь. Тогда беги, Флинт, потому что я начинаю, — шёпот наполняет меня, а Джесс отходит и тянется к пуговице на шортах.

— Я многое умею!

— Покажешь? — Тянет замочком вниз.

— Прекрати, это не смешно, — пячусь спиной к двери ванной.

— Очень, — смеётся, а я забегаю в ванную комнату и хлопаю дверью.

— Стерва! — Кричу ей.

— Трус! — Смеясь, так же отвечает.

— Сумасшедшая и больная извращенка, — бурчу себе под нос, и губы сами растягиваются в улыбке.

Чёрт, это же должно быть отвратительно. Но мне смешно, она издевалась надо мной, а я, как придурок, повёлся. И это был наш самый длинный диалог за всё время, что я здесь. Джесс сказала мне многое, над чем мне предстоит подумать. А ещё принять тот факт, который не хочу. Она стала женщиной. Стала такой, каким был я когда-то. Мне это не нравится. Мне это очень не нравится, и пока я не понимаю причин такого раздражения, когда в голове появляются её слова о сексе. Завтра разберусь с этим, а для начала проверю почту, чтобы убедиться, каким же уродом был в прошлом. Как деньги и любовь на одну ночь стали важнее семьи. Эта ночь стала для меня откровением. Видеть со стороны, что письма так и хранятся в архиве непрочитанными, отвратительно. Мне даже читать их не хочется, потому что больно. Но я здесь. Вернулся и готов платить по счетам. У меня есть время, чтобы изменить всё. Снова стать частью семьи, и я это сделаю. Всё получится, докажу Джесс, что мне можно доверять, как раньше. И она это увидит. Она поймёт, что внутри до сих пор живёт тот самый Флинт, который был её другом. А затем сестра различит изменения, и я вновь уеду, чтобы была возможность вернуться. Когда-нибудь навсегда.

Громкий стук врывается в голову, и я подсакиваю на постели. Моргая, прислушиваюсь, пока сердце от испуга скачет в груди. Раздаётся шум электрической пилы, затем снова удары. Музыка слабо прорывается сквозь всё это.

Голова большая от раздумий и бессонной ночи. А за окном уже давно светит палящее солнце, и не приносит мне тепла. Только усталость. Поднимаюсь с кровати и натягиваю штаны. Выхожу из спальни, замечая, что дверь в комнату Джесс открыта, и её нет. Но снова гул голосов, а затем стук. Словно где-то ремонтируют что-то.

Медленно спускаюсь по лестнице, понимая, что эти звуки раздаются с заднего двора. Нашего заднего двора. Протираю ещё сонные глаза и выхожу на веранду. Мой рот приоткрывается, потому что именно у нас происходят строительные действия. Какие-то брёвна, трое парней с оголёнными торсами пилят, стучат молотками и сверлят. Среди этого всего нахожу Джесс в коротком облегающем платье, явно флиртующую с одним из подкаченных ребят. Чёрт, среди них чувствую себя старым и дряхлым. Их тела блестят от пота, и он даже в воздухе чувствуется.

— Джасмин! — Перекрикивая шум, зову её. Девушка поворачивается и показывает парню, что сейчас вернётся.

Ожидаю, когда она, раздаривая улыбки всем этим парням, дойдёт до меня.

— Выглядишь ужасно, — кривится она, осматривая мою грудь.

— Нормально я выгляжу. Я только проснулся от этого шума. Что здесь происходит? — Возмущаюсь её оценке даже обиженно. Ну да, не занимался своим телом уже пару недель, но всё же, ещё хорош. Да, помят, но кто выглядит по утрам, как с обложки?!

— Ах, это. Я планирую сделать беседку для родителей к их приезду. У папы времени не было, а мама мечтает об этом. Напротив неё хочу разбить фонтан и запустить туда рыбок. Для Карвера. Из-за астмы ему запрещено заводить животных...

— У Карвера астма? — Удивляюсь я.

— Хм, да. Ты это тоже не читал, видимо. С рождения. Поэтому ему нельзя иметь кошечку или собачку. А рыбок он сможет кормить и развлекаться. Думаю, это прекрасная альтернатива, — спокойно пожимает плечами и оборачивается. Один из парней поднимает голову и на секунду прекращает пилить. Улыбается ей и подмигивает. А эта стерва ему поцелуй воздушный шлёт.

— Я могу помочь, — хватаю Джесс за локоть и заставляю посмотреть на себя. Хоть так оторвать её внимание от молодой крови. Моя ведь тоже неплоха.

— Ты умеешь работать руками? — Усмехается она. — Я сейчас не имею в виду онанизм, Флинт.

— Боже, хватит. Я... нет, я не умею пилить, но у меня есть деньги. Закажу лучших строителей, и они...

— Закрой свой рот. От тебя мне ничего не нужно, — грубо обрывает меня и входит в дом.

Поджимая губы, следую за ней.

— Но я могу помочь, Джесс. Вместо того чтобы, вот эти... эти уроды работали здесь. Ты, вообще, их хорошо знаешь? Может быть, они не умеют ничего и...и испортят всё? Ещё хуже обворуют вас, — нахожу, по моему мнению, очень веские доводы, пока Джесс копается

в холодильнике и достаёт несколько баночек газировки.

— Я их прекрасно знаю, Флинт. И они замечательные парни, умеющие работать не только руками, но и... хотя тебя это не касается, — смеётся она.

— А ну стой, — обхватываю её плечо, отчего она цокает.

— Не говори мне, что они работают за «просто так» и ты их уже обслужила? Ты спала с ними? — Обхожу девушку, и зло прищуриваюсь.

— Нет, они не работают за «просто так». Я им оплачу их помощь. И нет, я пока с ними не трахалась. Но это в планах. Как тебе сразу с несколькими? Ни разу не пробовала, — она на секунду задумывается, и её глаза темнеют от фантазий, которые мне абсолютно не нравятся.

— Только посмей, — предостерегаю её.

— И что сделаешь? Отшлёпаешь? Вперёд, мне понравилось, — дёргает плечом, сбрасывая мою руку. Да, чёрт возьми, я сейчас разорвусь от ярости из-за её слов!

— Это отвратительно, — кривлюсь я.

— Как посмотреть и куда посмотреть, — идёт обратно, а я за ней. Намного быстрее, чтобы не дать выйти на террасу.

— Что ещё, Флинт? — Закатывает глаза, прижимая к груди прохладные баночки, и от этого её соски отчётливо выпирают через тонкую ткань. Боже, у неё что, бюстгалтера нет?

— Откуда деньги, Джесс? Вряд ли твои родители тебе их дали. Откуда деньги, чтобы оплатить им работу? — Спрашиваю её.

— Не твоё дело, — пытается обойти меня, но я не позволяю. Складываю руки на груди и недовольно сверлю её взглядом.

— Насосала. Сойдёт? — Толкает меня и выбирается на террасу.

Рычу от злости и этой насмешки. И ведь не знаю, правду она сказала или специально злит меня. Отвратительное утро.

— Ребята, перерыв. Десять минут, а затем продолжим, — оповещает парней Джесс и раздаёт всем баночки. Они окружают её и что-то рассказывают, каждый из четверых демонстрируя ей, то свои бицепсы, то поглаживая пресс. И все пялятся на её грудь! Дерьмо, я убью сейчас их!

— Джасмин, — шиплю и сбегаю по лестнице. Буквально расталкиваю парней, и они удивлённо смотрят на девушку.

— Это мой дядя. Флинт. Не обращайтесь на него внимания, лучше на меня, — Джесс пихает меня бедром, отчего подаюсь в сторону.

— Работать. Живо, — оглядываю каждого. Хрюкают от смеха и подмигивают моей племяннице. Не верю, что она с ними не спала! Они так смотрят на неё, раздевают... хотя было бы что снимать. Она и так демонстрирует свои формы. Платье слишком тонкое. Она что, снова без белья? Да, чёрт возьми, невозможно!

— Хватит вести себя, как шлюха. Неужели, тебе это нравится? — Яростно шиплю.

— Флинт, отвали. Мне и так жарко. Сегодня ужасная влажность, ещё и твои наравоучения о моём виде слушать, лишнее. Ты меня раздражаешь, — кривит лицо и поднимается на веранду.

— Раздражаю? А ты меня нет? Я хотел поспать утром...

— Уже час дня. Не надо было дрочить всю ночь, — спокойно отвечая, подходит к столику и наклоняется над ним.

— Я не... я придушу тебя! — Возмущаясь, останавливаюсь рядом с ней, и мой взгляд привлекают чертежи, лежащие на столике.

— Это...

— Это то, что хочу получить. Именно вот так. Центральная беседка, а по бокам своеобразные качели. У нас их нет в городе, а аналоги очень дорогие. Поэтому думаю, как сделать их своими силами. Потом раскрасить беседку и ещё рассадить клумбы. Зои любит розы и лилии. Надеюсь, всё получится, — вздыхает Джесс.

А я не слушаю её, поднимаю два листа, где написаны расчёты, выполнены чёткие рисунки, и даже итоговый вариант.

— Кто это делал? — Спрашиваю её, продолжая изучать уже профессиональным взглядом работу.

— Я. Это моё. И пришлось подговорить туроператора, немного оплатить само путешествие, чтобы потом показать родителям. Они не отдыхали ни разу, и у меня бы не получилось подготовить им сюрприз, — равнодушно отвечает она. Перевожу ошеломлённый взгляд на девушку, прислонившуюся о стол ягодицами. Такое восхищение расцветает внутри, какого не испытывал ещё. И гордость. За неё. За такую взрослую и понимающую всё, за её планы, и вновь укол в сердце, потому что не участвовал. Мне бы хотелось стать частью этой мечты.

— Чёрт, конфетка, это невероятно. У тебя талант, и я могу помочь тебе поступить в любое учреждение. Ты не должна убивать в себе это, я даже хочу нанять тебя в свою компанию. Мне понравилось то, что ты задумала. И чертежи... ты где-нибудь училась? — Тихо произношу я.

— Мне не нужна помощь от тебя, и это всего лишь хобби. У меня уже есть место на экономическом факультете. И да, училась по книгам, которые нашла в интернете. Меня успокаивает это, — резко отвечает Джесс.

— Молодец, это, действительно, очень профессионально. Почему ты отвергаешь мою помощь? Почему сама не хочешь двигаться дальше, а решила застрять здесь? — Недоумеваю я, откладывая листы.

— Это моё место, Флинт. Это мой город, и я люблю его. Родителям нужна помощь с домом, с братом, он часто болеет, и ещё астма, папа постоянно путается в бумагах, Зои работает кассиром и иногда не успевает забрать брата из школы. И я должна помогать им. Экономика самый верный вариант, тогда папе не придётся платить за финансовые отчёты. Я сама это буду делать, уже официально и безвозмездно. Не все могут бросить семью, как ты, — последнее слово предназначено, чтобы снова напомнить мне о прошлом. И это неприятно, злит, но в то же время у меня так тянет сердце. Я хочу им помочь, а Джесс отвергает меня, словно я незнакомец. Хотя так и есть.

— Ребята, работаем до пяти часов, а потом по домам. Завтра продолжим с десяти. Меня не будет, но оставляю с вами Флинта. До встречи, — голос Джесс заставляет вынырнуть из переживаний, и я удивлённо поворачиваюсь к ней.

— Ты следишь за ними, — обращается ко мне.

— А ты куда?

Входит обратно в дом, а я за ней.

— Джесс, куда ты собираешься? — Повторяю жёстче вопрос.

— У меня дела. Возможно, не вернусь до завтра. Развлекайся. Хотел помочь, так вперёд, — смеясь, поднимается на второй этаж.

— Джасмин, куда ты едешь? — Иду следом.

— Развлекаться, трахаться, курить и пить. Отвали от меня и помогай, — бросает на меня едкий взгляд и хлопает дверью.

О, нет, так не пойдёт. Я не дам ей снова напиться и сотворить что-то ужасное. Больше заниматься сексом она не будет, пока я здесь. И у меня есть самая безумная идея за всю мою жизнь. Прослежу за ней. Узнаю всё, чем она занимается, где берёт деньги. Ведь её мечта стоит прилично, для их уровня достатка. А Зои и Скот вряд ли ей выделили на это сумму. Да и материалы дорогие. Значит, она, действительно, работает шлюхой. Да ни черта такого не будет! Никогда!

Быстро залетаю к себе и переодеваюсь. Даже не завтракал, да и плевать. Душ бы принять, но боюсь не успеть проследить за ней. Джесс пока у себя, а я сбегая вниз, считая наличные. Достаточно, чтобы развлекаться на полную катушку.

— Так, парни, если сделаете всё так, как хочет Джесс, то я заплачу вам по сто баксов каждому за день. Даю вам три дня, чтобы всё было готово. Как вам такое предложение? — Оповещаю ребят. Присвистывают и кивают.

— Идёт, бро.

— Сделаем в лучшем виде.

— И ни слова Джесс, — предупреждаю их и вылетаю в гостиную, встречаясь с девушкой, спускающейся по лестнице.

— Вечером возвращайся. Хорошо? — Мягко произношу я. Приподнимает брови и улыбается снова ярко-алыми губами. Да и платье она сменила на короткую юбку и топик. Вульгарно. Ей бы очень пошли платья классического кроя, она и без макияжа прекрасна. А так накидывает себе пару лет.

— Посмотрим, — пожимая плечами, проходит мимо меня.

Нет, конфетка, не посмотрим, а я притащу тебя домой сам. Если нужно будет за волосы. Ожидаю, пока она сядет в помятую и выцветшую «Хонду», и вылетаю из дома. Забираюсь в машину Скота и даю по газам. Двигаюсь за ней. Она направляется в центр, а оттуда по свободным дорогам к улицам, где расположено множество магазинчиков. Останавливается у одного, но словно заброшенного, тёмного и вычурного. Такое место я бы обходил и ни разу не зашёл. Поднимаю голову и читаю: «Столярная мастерская Скота». Шумно выдыхаю и мотаю головой.

Чёрт. Как плохи их дела? По виду отвратительны. Ведь люди и туристы проходят мимо магазинчика, а Джесс там. Я могу им помочь, могу придумать что-то, могу дать денег. Но они не примут, ничего от меня не примут, потому что я чужой. Для всех них чужой, и у меня одна возможность понять, как поступать дальше — это Джесс. Она точно знает, что необходимо Скоту, чтобы его бизнес процветал. А я архитектор, и смог бы распиарить его даже в Нью-Йорке, нашёл бы людей, которые бы делали заказы. Мне нужна Джесс. Я должен узнать о ней то, чем, возможно, смогу её шантажировать или же... куча мыслей и ни одной подходящей.

Чувствую себя подавленно, когда выхожу из машины, оставив её недалеко от мастерской. Сажусь за столик и делаю заказ. На самом деле всё настолько сложно, что я теряюсь. У меня есть всё, что хочет получить каждый из тех, кто проходит мимо меня. Но они совершенно не представляют, как разрушаешь себя в погоне за благами. Разрушаешь всё вокруг, теряя свою душу, забивая сердце ранами, и находишься в отчаянии. Ничего не исправить, ни одного поступка, который даже не совершил. Ни разу не задумывался, как туго приходится моей

семье до сих пор. И это изъедает. Чувство вины вызывает стыд за деньги, которые хранятся в банке и на моей кредитке. Если бы они позволили, то я бы всё отдал, за возможность видеть их улыбки. Быть частью семьи и помогать. Боже, какой же я урод на самом деле. И ненависть Джесс обоснована. Я не могу винить её в этом. Даже её поведение — точная копия моего. Она словно со стороны показывает мне, каким я был. Но сейчас не стал лучше. Наоборот, скатился вниз, хотя нахожусь наверху.

Съев сэндвич с курицей, допиваю воду и возвращаюсь в машину. Чёрт, я даже не подумал о том, можно ли тем парням доверять, оставив их одних в доме. А у меня дорогой ноутбук. Да к чёрту, мне плевать сейчас на это. Смотрю на магазин, где до сих пор находится Джесс, и жду. Что она там делает? За всё время туда ни разу никто не зашёл. Выходит, выручки нет, денег нет. А она их откуда-то берёт? Вот это волнует меня больше всего. Я не хотел бы, чтобы мои подозрения подтвердились.

Продолжаю смотреть на дверь, окрашенную уже алыми бликами заходящего солнца, и она открывается. Сначала не придаю значения, вышедшей от туда девушке с заколотыми волосами, в длинном тёмно-синем платье, струящимся по её стройному телу. А затем медленно выпрямляюсь, когда узнаю лицо с минимальным макияжем, и она направляется к старой «Хонде».

— Джесс? — Ошеломлённо слежу за ней, настолько элегантной, что ей может позавидовать любая представительница элиты Нью-Йорка. Хотя платье не последних коллекций, и явно недорогое, но то, как она подаёт себя в нём, меня шокирует.

Нет ничего из вульгарного образа, а именно то, что я бы хотел видеть. То, о чём мечтал. И эта мечта сейчас уезжает куда-то.

Завожу мотор и следую за ней, всё ещё до конца не принимая увиденное. И тут же неприятное чувство, обжигающее сердце, появляется внутри. Куда она такая поехала? Для кого так оделась? Богатый любовник или она работает в эскорте? Господи, снова эта злость, не поддающаяся контролю. Она заполняет полностью мой разум, пока я еду за машиной Джесс из города, и она не останавливается у ресторана, расположенного на берегу океана. Я не помню такого, но, видимо, для тех, кто хочет показать свой статус и богатство. Он явно предназначен для таких, как я. Но зачем сюда приехала Джесс? Какого любовника скрывает здесь?

Готов сейчас же схватить её и утащить обратно, закатить новый скандал и отлупить. Да-да, именно отлупить, чтобы проучить самого себя. Напомнить — не моё дело. Ложь. Джасмин стала моим делом с того момента, как появилась в доме Зои. Я был первым, кому она ответила, и я же обломаю ей все мечты о порочной жизни шлюхи.

Выхожу из машины и надеваю на себя ту маску, которую обычно ношу в Нью-Йорке. Богатый. Сильный. Властный. Требующий к себе повышенного внимания. Обожающий комфорт и люкс марки вещей. Хотя сейчас я больше похож на одного из обычных людей, но они увидят то, что у меня есть.

— Добрый вечер, мы рады видеть вас в нашем ресторане. Вы бронировали столик? — Осматривая меня с ног до головы, делая оценку моей внешности, спрашивает администратор.

— Добрый. Нет, но вы найдёте мне место, — приподнимая один уголок губ, отвечаю ей.

— Конечно. Вы предпочитаете веранду или основной зал? — Интересуется она, провожая меня в помещение с работающим кондиционером, и я бегло осматриваю пространство. Оно забито.

— Я желал бы остаться здесь.

Не вижу Джасмин, хотя мне нужно время, чтобы привыкнуть к неяркому освещению, интимному, я бы сказал.

— У нас бронь на десять часов. Я могу вам предложить только этот столик.

— Ничего. Думаю, мне хватит времени, чтобы оценить ваше заведение, — сухо бросаю, когда взгляд цепляется за платье, играющее каплями мелких камней под искусственным светом.

— Тогда пройдёмте, — девушка указывает рукой в зал, но я наблюдаю за Джесс. Она медленно подходит к роялю посреди зала и опускается на пуфик. Не может быть...

— Официант к вам подойдёт через пару минут. Хорошего вечера.

Киваю администратору и падаю на стул, пытаюсь разглядеть: Джасмин ли это? Но определённо такой бурной фантазии у меня не может быть, и это, действительно, она. Раскладывает ноты, и вижу, как тяжело вздыхает.

Я ни разу не слышал, как она играет. Я пропустил это, а сейчас звуки медленного вальса наполняют зал, и даже голоса стихают. Мне страшно дышать, не верю своим глазам и ушам, потому что она играет. Она создаёт невероятную музыку, вбивая в моё сердце острый кол. Он прокручивается с каждой нотой, принося невероятную боль и сожаление о том, что проигнорировал все приглашения. А она играет. Со страстью, чувством, и я шокирован вновь. Картинки прошлого, где она берёт с меня обещание, что приеду. Как забываю об этом, едва вернувшись в гостиницу к первой жене. И сейчас это всё приносит мне невероятную жалость. К себе. Я лишил себя всего этого.

— Добрый вечер. Сегодня я буду вашим официантом. Вы что-нибудь выбрали или, может быть, я могу вам что-то посоветовать? — Поднимаю взгляд на парня с блокнотом.

— Воду. Только бокал воды, — хрипло отзываюсь и снова поворачиваюсь к освещённому месту, где стоит рояль.

Она могла сказать мне, чем занимается, а не вводить в заблуждение. Она могла, но только вот не доверяет мне больше. Знают ли Зои со Скотом? Вряд ли. Не думаю, что она им об этом рассказывает. Но я хочу быть ближе. Сейчас, сидя в престижном для Саванны ресторане, понимаю, каждой клеточкой своего тела, насколько хочу быть чем-то большим, чем просто незнакомцем, потерявшим себя, и пребывающим столько лет в постоянных поисках. Я бы хотел наслаждаться этими звуками каждый день, они приносят расслабление и спокойствие. Странно и так хорошо мне в эти минуты, что улыбаюсь, испытывая гордость за свою конфетку. Она у меня самая замечательная.

— Ваша вода, — передо мной ставят бокал и наполняют его.

— Я положу тебе чаевых, в несколько раз превышающие сумму моего заказа, — откидываюсь на спинку стула и смотрю на бегающие глаза парня.

— Вы хотите что-то особенное за такие чаевые? — Тихо спрашивает он.

— Да. Девушка, играющая на рояле. Кто она?

— Её зовут Джасмин, живёт в Саванне, ей восемнадцать.

— Сколько она стоит? — Наблюдаю, как лицо парня меняется, и он зло поджимает губы.

— Она не продаётся, мистер. И деньги мне ваши не нужны...

— Успокойся, я не собираюсь её покупать. Вряд ли у меня хватит денег, чтобы приобрести умиротворение, которое она дарит.

— Хорошо. А то иногда появляются придурки, которые думают, что людей можно

купить. Джесс не шлюха, — и мне так приятно, что он говорит именно это.

— Давно она работает здесь?

— Около года.

— Сколько получает?

— Я не имею права...

— Ещё пятьдесят баксов сверху.

— Тридцать долларов в час. Работает два раза в неделю. Пятницу и субботу. С восьми до одиннадцати, — чётко отвечает он.

Подсчитываю и это так мало. Очень мало.

— А чаевые?

— Это редко, нынче все скупы, хотя мужчин здесь много. Они приходят, чтобы получить другое, а вот поощрить её чаевыми для них слишком затратно, — хмыкает официант и указывает взглядом на зал. И правда, одиноких мужчин здесь достаточно, как и компаний из парней, раздевающих взглядом Джесс. Противно.

— Понятно. Спасибо за помощь. Ты можешь передать ей вот с этим, — достаю портмоне и пятьсот долларов, — восхищение, не называя имён?

— Конечно, да, я передам, — с улыбкой он прячет деньги в карман.

— Но если я узнаю, что она их не получила, а я узнаю, то найду тебя, и ты познакомишься со мной лично, — предупреждаю его.

— Не волнуйтесь, я не вор. И мне нравится Джесс, считаю, что она заслуживает большего, чем похотливые взгляды, — обиженно произносит парень.

— Прекрасно, тогда наши мнения сходятся. Счёт.

Он кивает и оставляет меня. Возвращаю своё внимание на Джасмин, уже играющую более быструю мелодию. Чёрт возьми, я хочу остаться. Хочу слушать это постоянно и видеть её слабую улыбку, наслаждение от этого, а не от языка какого-то парня. Последнее даже знать не хочу.

Задумываюсь о том, что в этом месте я бы с удовольствием пригласил её на танец. Она бы улыбалась мне и дарила бы нежность, мне было бы плевать на весь остальной мир. И даже деньги были бы оскорблением. Но это всё какие-то смутные и невыполнимые фантазии. Она моя племянница, которая зарабатывает игрой на рояле, чтобы помочь тем, кому должен помогать я. Она взяла на себя мою ношу, и это приносит сухость в горле. Его сдавливают от чувств, которые с каждым днём всё сильнее разрывают сердце.

Оплачиваю счёт и кладу обещанные чаевые. Теперь мне предстоит снова прокручивать в голове свои ошибки и тонуть в них. Я же не выберусь, если завтра что-то вновь узнаю. Это добивает меня, застревают внутри ржавые гвозди из прошлого, и не выдрать. А мне бы с корнем, чтобы захлебнуться от мук души, прогнившей и проданной.

У меня нет никакого представления, что мне делать дальше. Возвращаюсь домой и оставляю машину на том же месте. Проверяю то, что сделали ребята и всё же, обхожу каждый уголок, чтобы убедиться — всё на месте. На заднем дворе бардак, и я машинально подметаю, собираю в пакеты, найденные в одном из ящиков кухни, обломки дерева и металла. Подхожу к столу, где лежат чертежи, и вглядываюсь в них. Это призвание Джесс. Ей с генами перешло от Скота, но и в них вижу что-то своё. Эксклюзивное, масштабное, с огромными амбициями. Меня посещает идея, надеюсь, её она примет от меня. Это будет тоже подарок. Поднимаясь к себе, открываю ноутбук и печатаю приказ своей секретарше. Перечисляю деньги и с улыбкой возвращаюсь на первый этаж. Нахожу в холодильнике банку

с пивом и выхожу на улицу. Опускаюсь на ступеньку и просто сижу.

На улице тишина, соседи уже дома, только духота не даёт это место назвать раем. Это необычно для меня, быть вот таким. Без дорогого коктейля или рома, без шума и постоянного движения. Просто замереть во времени.

Банка с пивом так и не открыта, когда раздаётся звук подъезжающей машины. Поднимаю голову и улыбаюсь, наблюдая, как Джесс выходит из «Хонды». Может быть, я жду именно её. Может быть, на меня упадёт луч света, подарив понимание всего.

Она подходит ко мне с рюкзаком на плече в том же самом виде, как и выходила из дома. Но теперь-то я знаю, что это всё не она. Знаю, что это защитная реакция от меня.

— Ты ключи потерял? — Усмехается Джесс и плюхается рядом со мной.

— Нет, просто сижу, — пожимаю плечами и поворачиваюсь к ней.

— Значит, наслаждаешься. Настолько наслаждаешься, что даже пиво не пьёшь, — тихо смеётся она, и я тоже.

— Будешь? — Предлагаю ей, хотя это противоречит всем моим мыслям.

— Нет. Не хочу. От пива фигура портится, предпочитаю что-то покрепче, — качает головой.

— Так что ты здесь делаешь?

— Если скажу, что не знаю, такой ответ примешь? — Отставляю банку пива и вытягиваю ноги.

— Приму, потому что это правда. Тебя что-то сильно потрясло, раз ты потерялся в своей голове, — серьёзно отвечает Джесс.

— А знаешь, кто знает всё? — Она поворачивается ко мне.

— Нет. Это невозможно.

— Ты ошибаешься. Небеса всё знают, — шепчет она и показывает пальцем наверх.

— Боже, конфетка, ты до сих пор веришь в небеса? — Смеюсь я.

— Да, они единственные, во что я верю. Ты только подумай, — придвигается ближе, и её глаза сверкают от возбуждения, но не пошлым светом, а чистым, и я смотрю на него.

— С самого рождения планеты они смотрят, что происходит. Столько гипотез о том, откуда мы произошли, а они это знают и молчат. И сейчас, в эту самую минуту, кто-то появляется на свет, кто-то покидает его, кто-то понимает что-то очень важное для себя. Кто-то кардинально меняет жизнь. Кто-то плачет. Кому-то больно. А кто-то смеётся, потому что эти секунды самые лучшие в его жизни. Кто-то изменяет, а кто-то видит это. Кто-то влюбляется, а кто-то расстаётся. Кто-то лишает себя жизни, а кто-то борется за неё. Миллион судеб, и над ними небеса. Они видят всё, знают о каждом, все тайны и мысли, покрывают воровство и обман, и обличают их же при свете дня. Они молчат и только принимают в себя всю боль или же радость.

Кажется, что я даже не дышу, пока она говорит. С такой страстью и верой, отчего моё сердце сжимается, наполняясь нежностью. Той самой, которую помню. Забыл на столько лет, и сейчас бутон раскрывается.

— Молчаливые наблюдатели? — Шепчу я.

— Точно. Они не могут влезть в судьбу, чтобы помочь избежать ошибок, но они величественны. Они вечные. Они всегда будут, даже после нашей смерти. Они всегда над нами, мы не можем до них дотянуться, они бесконечны. Они живые. Когда счастья очень много, когда к ним отправляются самые лучшие души, они являют солнце и тепло. В тот день... на похоронах бабушки и дедушки так и было. Я верю, что они забрали себе их свет,

чтобы одарить им нас, — при упоминании родителей издаю судорожный вдох, и в миг глаза мутнеют.

— Ты не виноват, Флинт. Так должно было случиться. Потому что людям необходимо солнце, согревающее их одинокие дни. Смерти не избежать, но она не так плоха, как кажется. Необходимо лишь отпустить, — ощущаю тёплую ладонь, лежащую на мою щёку. Поднимаю взгляд на Джесс, и она мягко улыбается мне. Кажется, что в груди что-то трескается, и я полностью тону в боли из прошлого.

— А когда дышать не можешь? Когда всё рушится, и ты чувствуешь острые ножи, изрезающие сердце? Что делают небеса? — Накрываю её руку своей и прижимаюсь сильнее.

— Они плачут. Когда их переполняет муками, посланными нами, они плачут, чтобы смыть с каждой души это ощущение. Они дарят свободу, но люди бегут от их подарков. Ведь дождь, каким бы он ни был, холодный или тёплый, это означает, что скоро всё наладится. После него, тучи разойдутся, и наступит снова солнечный день. А иначе быть не может, ведь всегда наступает время переизбытка. Он ставит в тупик, а небеса знают, что делать, в отличие от людей, — девушка отводит от меня печальный взгляд и вытягивает свою руку из-под моей.

Я именно в тупике сейчас, и все слова, сказанные Джесс, принимают такую силу, от которой поднимаю взгляд на небо. А там сверкают звёзды, напоминающие камушки на платье удивительного человека, который тоже прячет саму себя, как и я.

— Я иду спать, — Джесс подсказывает со ступеньки, а я не хочу терять этого единения и доверия, которое было между нами несколько минут. Это особенное время, когда я видел её настоящую и узнал о том, что она не винит меня. А я продолжаю это делать.

— Не уходи... побудь ещё немного со мной, — шепчу я.

— Я устала уже от тебя, Флинт, — фыркает Джесс, и это непонятно. Ещё несколько мгновений назад мне казалось, что она больше не обижается и не ненавидит меня. А сейчас всё изменилось снова.

— Конфетка...

— Запарил, иди спать, — хлопает входная дверь, и я закрываю глаза.

А небеса всё видят. Они знают, что в моей груди бьётся сердце сейчас для неё. Она на несколько мгновений подарила мне веру и моментально забрала её, оставив после себя тяжесть.

— Если вы знаете, что мне делать, то подскажите. С каждым днём я умираю, внутри моя душа рассыпается от сожаления. Я хочу стать большим для них. Простите меня за то, что ни одного обещания, данного вам, я не выполнил. Я наказан достаточно, — поднимаюсь на ноги и, подхватывая банку, возвращаюсь в дом.

За этот день я выжат, эмоционально выжат, и хочу есть. Поэтому забрасываю в рот несколько крекеров и плетусь к себе, но останавливаюсь у спальни Джесс. Тихо. А внутри такое желание открыть дверь и забраться в постель. Разделить с ней то, что во мне. Расслабиться и не быть больше одиноким. С Джесс я чувствую себя иногда прежним, когда она не грубит и не вспоминает о том, какую роль должна играть. Только зачем? Почему со мной? Ведь теперь я точно знаю, что моя конфетка до сих пор рядом, каким бы ублюдком я ни был.

Ледяная вода окатывает весь торс и лицо. Испуганно распахиваю глаза и подскакиваю на постели. Вся моя рубашка, джинсы, да и я сам в воде. Она стекает по лицу, а я дышу ртом, недоумённо поднимая взгляд.

— Ах ты, урод недобитый! Засунь свои бумажки себе в задницу! Я убью тебя! — Крик Джесс и она сама, стоящая с пустым ведром, которое летит в меня, и я не успеваю даже увернуться. И то, что именно так начался мой день, приводят в ступор и полное непонимание происходящего. Помимо этого, ведро ударяет прямо в голову, отчего издаю стон.

— Что... ты с ума сошла? — Хрипло возмущаясь, моргаю и провожу ладонью по мокрому лбу, растирая его.

— Сколько ты обещал парням за работу? Я просила тебя? Нет! Ни о чём не просила, кроме как проследить! Мало того... ублюдок, как же я тебя ненавижу! — Визг девушки, а затем она летит на меня и опрокидывает на спину.

— Джесс!

— Я придушу тебя! Ты следил за мной, подонок! Это твои деньги! Жри их! — Вырываю сто долларовые купюры, которые она пытается засунуть мне в глотку. Да я ни черта не понимаю, ещё не проснулся, а здесь новый хаос.

— Джасмин! Хватит! — Кричу, обхватывая её за талию. Мотаю головой. Брыкается. Визг. Ругань и ярость, да настолько сильная, что заставляет перевернуть девушку на спину и вдавить в матрас своим телом. И плевать, что я мокрый, а она едва одета. Я ничего не соображаю.

— Хватит, прекрати. Объясни мне, что случилось? — Перехватываю её руки и, сжимая запястья, разбрасываю в стороны.

— Ты... ненавижу тебя... ненавижу... — шипит она, сдувая с лица пряди волос. И через секунду вижу, насколько сильно полыхают глаза от злости. Они словно штормовое небо, а я хмурюсь.

— Почему? Объясни мне всё без крика. Какого чёрта ты вылила на меня воду, и теперь ещё пытаешься отравить деньгами? — Блокирую любое движение её ног своими.

— Ты... ты вчера уехал, так сказали парни! Ты следил за мной! Ты видел то, что я делаю! По описанию это можешь быть ты! Чёртов блондин с неизвестным цветом глаз! Это твои грязные деньги! Это ты и твои чаевые! Ненавижу тебя! Ненавижу! — Чёрт, она хоть и маленькая, но сильная, борется со мной, а я вспоминаю всё.

— И что дальше? Да, следил, чтобы узнать, чем ты занимаешься! Я следил, чтобы знать, не спишь ли ты с мужиками! Джесс! Хватит! Дерьмо... — скулю от боли, когда она попадает коленом прямо по моему члену. Звёзды в глазах, и перекатываюсь на мокрые простыни.

— Урод! Я тебе сейчас всё оторву! — Шлепки её ладоней по моему телу, а я прийти в себя не могу. Мне, чёрт возьми, больно!

— Хватит... — пытаюсь увильнуть от её ударов, но она запрыгивает на меня сверху, на и без того ноющий пах.

— Не хватит! Ты не имел права! Ты ничего не знаешь обо мне! Ты... боже... я ненавижу тебя, — напор ослабевает, и я распахиваю глаза.

— Джесс... конфетка, — сажусь и пытаюсь её утихомирить. А крупные слёзы

вырываются из её глаз. Ударяет ладонями, но слабо, по инерции.

— Тише, прошу, не плачь. Не плачь, — сжимаю её в своих руках. Раскачиваюсь туда-сюда и только сейчас понимаю, что произошло. Насколько неверно она поняла всё. И в эту минуту её разрывает от слёз.

— Ненавижу... — шепчет она и так горько плачет, словно я причинил ей самую невероятную боль во всём мире.

— Не плачь, конфетка, не плачь. Ничего страшного. Ты хоть знаешь, как мне понравилось на тебя смотреть? Знаешь, как ты красиво играешь? Мне не жаль для тебя ничего. Ни капли, и я хотел помочь. Хотя бы так помочь тебе, ведь ты делаешь так много для семьи, которую я бросил. Прости, если это обидело тебя. Но я лишь хотел как-то участвовать в твоей жизни, — шепчу, поглаживая её по волосам, спадающим на обнажённую спину и короткий топик.

— Ты не имеешь права... ты бросил... бросил меня, — слабый удар её кулачка по моему плечу, и её тело сотрясается в рыданиях. А мне слышать это больно, знать и осознавать необъятное мучение. Меня самого разрывает, ведь сделать ничего не могу. Не поправить никак, и это на меня давит.

— Прости, конфетка, прости меня за это. Умоляю тебя, не нужно меня ненавидеть. Больше, чем я сам, ты это сделать не сможешь, — отклоняюсь немного и обхватываю её лицо. Глаза огромные, полные слёз, вызывают сердечную недостаточность. Кислорода не хватает, пока пальцами стираю влагу с её щёк, а она всхлипывает. Мотает головой, словно её так же, как и меня в данную минуту, расщепляет на молекулы от страданий. Это попытка смотреть на неё и видеть не ребёнка, а девушку, с кристально чистыми голубыми глазами, в которых отражаются все мои грехи.

— Ты себя обожаешь, Флинт. Ты только о себе и думал все эти годы. И я не верю, что ты можешь себя ненавидеть, — со злостью отталкивая меня, подскакивает на ноги.

— Джесс...

— Нет, не надо уверять меня, что ты хороший. Что в тебе осталось что-то от того самого парня, который хотя бы капельку любил свою семью. Я не верю, в тебя больше не верю. Ты стал призраком для всех нас, — в её голосе столько горечи, что она проникает в мою кровь, отравляет разум, и я поднимаю голову на девушку.

— Я и не уверяю. Наоборот, — с отвращением к себе произношу и поднимаюсь с кровати, — поверь, хуже меня человека не было. И я никогда не любил правильно свою семью. Ничего не ценил, и сейчас расплачиваюсь за всё.

— И ты это говоришь мне? — Она облизывает пересохшие губы.

— Да. Хочешь знать? Хочешь знать правду обо мне? Хорошо, я скажу тебе. Покаюсь, чтобы ты возненавидела меня ещё больше. И я это вынесу, потому что заслужил, — киваю ей и сглатываю сухость во рту.

— Ты представляешь, что такое жить с виной за убийство одиннадцать лет? И я вот не знал. Забыл, всё забыл. Признаюсь, что не думал ни о тебе, ни о Зои, ни о ваших проблемах. Мне было хорошо, я был одурманен возможностями большого города, своими амбициями и женщинами. Я питался самыми лучшими блюдами в знаменитых ресторанах, катался по странам и не вспоминал о вас. Но в одну секунду меня настолько сильно долбануло по голове, что я очутился один. Брошенный. Раздавленный. Потерянный. У меня нет цели, чтобы жить. Нет причин, чтобы дышать. И я умираю. Моё сердце расколото уже давно, а я заливал его алкоголем, только бы не слышать обвинений в голове, — медленно делаю шаги к

ней, вспоминая каждую минуту, отматывая плёнку к тому времени, когда всё это началось.

— Я ни разу не поблагодарил родителей за то, что оплатили моё обучение в Нью-Йорке. За то, что продали дом, всё, что у них было, лишь бы у меня была квартира. Да и той я не был доволен. Родители меня раздражали, постоянно звонили, хотели знать, как я живу, как учусь, с кем встречаюсь. А меня это бесило! Я грубил, ругался с ними и сказал, что не желаю отчитываться, потому что взрослый! И потом игнорировал каждый звонок. Месяц я о них не слышал, предаваясь вкусу алкоголя и травки, даже несколько раз спускал деньги на кокаин и женщин. У меня их было много, настолько, что я уже не помнил, с кем трахаюсь. Не запоминал имена. И в тот день, когда мои родители погибли, я кайфовал. У меня в груди ничего не оборвалось и не ойкнуло, что их уже нет в живых. Ничего, понимаешь? Они ехали ко мне, — сглатываю и прижимаю Джесс к двери, а она с таким ужасом смотрит на меня, а из её глаз выкатываются слёзы, когда мои сухие. Безжизненные.

— У них не было денег на авиабилет, поэтому, волнуясь за меня, они выехали на машине. Они погибли из-за меня. Я убил их. И не винил себя, а вот сейчас всё это: воспоминания, боль, потеря — навалились на меня. А мне мало, я хочу быть мёртвым, хочу разодрать себя от этих чувств. Я ублюдок! — Ударяю кулаком по двери, отчего Джесс вздрагивает и прикрывает глаза.

— Я не думал о семье никогда, хотя стремился к этому. И твои небеса ни черта не помогли! Они только смотрели, как я убиваю их! Они смеялись в тот день, когда хоронили их! Я везде лишний, ненужный, одинокий. Вот... вот моё весёлое время. Так скажи, достаточно я ненавижу себя сейчас? Достаточно, чтобы ты меня поняла... хотя бы немного? Мне плохо, — хватаю её за локти, словно от этой девушки зависит моя жизнь, мой путь и моё сердце.

— Скажи, есть ли у меня шанс, чтобы спастись из этого ада? И я вижу всё! Вижу, как вы выживаете в этом мире, а я шикаю! Вижу, чёрт возьми, и хочу быть частью вас! — Кричу в её бледное лицо, всматриваясь в широко распахнутые глаза.

— Знаю, что без меня вы будете счастливы. А я без вас нет. Мне нужна только вера... чуть-чуть. Понимаешь? Джесс, Джасмин, ты же всегда была для меня особенной хоть и маленькой, но такой родной. Прости меня. Если бы я тогда ценил помощь, ценил любовь и семью, то ничего бы не произошло. Я бы не потерял себя и не вернулся бы в отчаянном поиске хотя бы капли искренности. Но вот это «бы» не изменить. Это только мечты, которые не имеют никакой власти. Я ничего не могу поправить, — как сумасшедший вытираю слёзы руками с её нежной кожи, не тронутой сегодня макияжем.

— Ничего не могу исправить. Я очень хочу, но мне нужна помощь. Ты мне нужна, потому что вчера, когда слышал, как ты играешь, то корил себя за невыполненные обещания. За всё это время я не был таким умиротворённым. Пожалуйста, я каюсь, молю тебя... ты так нужна мне. Вот такая, уже взрослая, умная, немного странная и из моего прошлого. Ты та самая часть, которая напоминает мне о том, что я могу быть собой. Не потерять человеческого обличия и не раствориться среди миллиона людей вокруг. Я не хочу исчезнуть, — последние слова шепчу, приближая к ней своё лицо. И она так близко, незаметно для меня кладёт свои ладони на мою грудь и теребит пальцами пуговицы. Хочет что-то сказать, но закусывает нижнюю губу. Чёрт, а мне так плохо, и сейчас мне хочется ощутить вкус этих губ. Узнать, смогут ли они подарить мне спокойствие? Сможут ли снять с души этот крест, который придавливает меня? И это ужасно.

— Флинт, — бегают глазами по моему лицу, и слишком близко она ко мне. А я больной,

одиноким и жаждущим ласки. Незнакомой, новой и в то же время когда-то уже испытанной. Сейчас в моих руках просто девушка, которой первой и единственной открыл свою тайну. А это одна из многих.

— Я...я не знаю, что сказать. Не думала, что ты винишь себя до сих пор. И, наверное, вряд ли мои слова переубедят тебя. Но, да, ты не можешь изменить прошлого, но настоящее в твоих руках. Если ты понял это только сейчас, то, значит, твоё время пришло именно сейчас, — шёпотом произносит Джесс, а я моргаю и резко выпускаю её из рук. Мысли, которые проникли в голову, родились таким страшным образом, пугают. И именно поэтому отхожу, чтобы не натворить дел похлеще, чем уже есть.

— Прости, что вылил на тебя всё своё дерьмо. Ты не должна думать об этом, а только развлекаться и...

— Почему? — Перебивая меня, делает ко мне шаг, а я от неё. Сглатываю, смотря на распущенные длинные волосы, которые хотел бы сжать и заставить её запрокинуть голову. Мне страшно от фантазий, о том, насколько тяжела и мягка её полная грудь, выпирающая из топики, и каким податливым может быть тело, когда его ласкают. Чёрт возьми.

— Хм, ты права, мне не следовало узнавать всё таким способом, это твоя жизнь, и ты можешь с ней делать всё, что хочешь, — отвожу взгляд, надеясь, что она не понимает сейчас о том, какие картинки мелькают в голове.

— Нет, я не об этом. Ты отскочил от меня, словно я прокажённая, — Джесс подходит ближе, а я жмурюсь от отвращения к себе.

— Всё в порядке. Я не ожидал такого пробуждения, вот и дал слабину. Забудь, ладно? Забудь о том, что я сказал и... не знаю, голова болит, — потираю виски, чтобы убедить её, насколько мне гадко. А это так. Она же моя племянница хоть и неродная, но всё же.

— Флинт, — её ладонь проходит по моему плечу, а я готов взвыть. Не прикасайся ко мне так нежно. Не надо, я не заслуживаю.

— Я прощаю тебя, но тебе не нужно моё прощение. Ты должен простить самого себя, — подхватывает мой подбородок и с силой поворачивает к себе, словно я девочка, а она сильный и уверенный мужчина, знающий всё наперёд. Подчиняюсь, чтобы встретиться с её тёмным, насыщенным синевой цветом глаз.

— Спасибо, и я хотел бы, чтобы ты забыла обо всём этом, — убираю её руку со своего лица.

— К сожалению, не смогу, потому что больше причин, чтобы ненавидеть тебя, у меня нет. Сознаюсь, что очень хочу это делать за ту боль, что ты причинил маме. Не могу. Я устала от войны с тобой и с собой. Когда ты тоже устанешь, сообщи, — Джесс отходит от меня и направляется к двери. Она же не может знать, что сейчас борьба идёт о неожиданном влечении, которое испытал. Или может? Боже, я же со стыда сгорю, если она узнает. Сам себя изуродую внутри.

— Джасмин, — на выдохе зову её, и она поворачивается.

— Да?

— Ты моя племянница, я знаю тебя с юного возраста, и ты моя семья, — напоминаю то ли себе, то ли ей. Усмехается и качает головой.

— Занимательно, Флинт, но свою родословную я знаю, и тебя там нет. Ты лишь мужчина, который когда-то встретился на моём пути, — пожимая плечами, открывает дверь и тихо затворяет её за собой.

Падаю на постель, мокрую и пропитавшую влажностью кислород. Смотрю впереди себя

и прокручиваю в голове всё, что было сказано. Нет, вру, я повторяю про себя последние её слова. Да, немного стало легче оттого, что поделился с ней, но вину с себя не снял. А вот то, каким она видит меня, очень волнует. Она не воспринимает меня, как дядю, как старшего, а у нас разница аж в двенадцать лет. Она смотрит на меня, как на мужчину, который начинает сходить с ума. И сейчас бы должны появиться мысли о том, что следует бежать и гнать от себя эти чувства, желание узнать большее о ней. Да, должны, но их нет. Слишком устал от эмоций, выплеснутых этим утром. Но бороться буду продолжать. С собой. Это ведь ненормально, если меня возбуждает Джесс. Это ужасно, но я только ей могу доверить самого себя. Только ей, ни к кому из бывших жён и любовниц, такого не испытывал. А это было между нами с первого её появления в моей жизни. И я вернулся, чтобы честно взглянуть в глаза страхам и тому, отчего скрывался. Нет, на попятную не пойду, но и не позволю своей больной фантазии взять верх. Никогда. Это станет концом для нас обоих.

Спускаюсь вниз, прислушиваясь к мужскому смеху на кухне, и зло сцепляю зубы. Меня чертовски раздражает это. Причин нет, но всё же, происходящее в моём разуме не подчиняется ничему, кроме, вмиг образовавшегося желания орать, словно безумцу. И это так не похоже на меня.

— Не понял, неужели, рабочий день завершён? — Холодно интересуюсь, вхожу в столовую, где Джесс удивлённо замирает с упаковкой молока, а ребята сидят за столом, нагло завтракая и улыбаясь мне.

— Хм, нет, босс, он только начинается. Пошли, парни, доедим на улице, — отзывается один из них и подхватывает тарелку с хлопьями.

С ледяной яростью осматриваю каждого полураздетого мужчину, проходящего мимо меня. Они специально так выглядят, чтобы ещё больше показать мне, что пора снова вспомнить о своём теле.

— Спасибо, детка, — один из них подсакивает к Джесс и смачно целует её в щёку.

— «Спасибо» ещё отработаешь, — смеясь, она подмигивает наглецу, быстро сбежавшему из кухни под моим пристальным взглядом.

— Настроение плохое? — Спокойно спрашивает девушка, собирая со стола крошки.

— Меня ещё не будили ледяной водой и... что за чёрт? Почему ты их кормишь? Они работают на тебя, и не должны даже быть здесь, в доме. — Рыча, подхожу к ней, а она смеётся и включает воду в раковине, чтобы ополоснуть тряпочку.

— Странный ты, Флинт. Они мои друзья, и работают на папу уже больше года. Один из них развозит заказы, когда они есть. Другой иногда помогает ему по дому или делает это за него. Третий...

— О-о-о, радушие глубинки, как же я забыл об этом? И как они благодарят тебя? Опускаются на колени, или ты? — Смеряю её, полуголую в излюбленных шортах вроде трусов и топики, взглядом полным отвращения и неприятного покалывающего чувства где-то глубоко в сердце.

— Когда как, — пожимает плечами.

— Джесс, — хватаю её за локоть, не позволяя увильнуть от этого разговора.

— А тебя-то почему это волнует? Ревнуешь? — Прищуривается и издевательски издаёт смешок.

— Ревную? Ты моя племянница, и я забочусь о тебе и твоей репутации, — дёргаю её, чтобы хоть как-то избавить себя от ядрёного желания разогнать всех к чертям.

— Чтобы заботиться о чьей-то репутации, для начала надо иметь свою, не подмоченную, — подмигивает мне и вырывается из рук.

Стерва. Вот может же выводить из себя одним только словом? Как ей это удаётся? Постоянно. Раздражает.

— Что найдёшь в холодильнике — твоё. А я пойду в душ, — бросает Джесс и скрывается в гостиной. Но через секунду возвращается и указывает на меня пальцем.

— И скажи им правду, Флинт, — произносит она.

— Не понял? — Хмуро переспрашиваю её.

— Ребятам сообщи, что ты пошутил по поводу такой высокой оплаты их труда.

— Нет. Я сдержу обещание, если они сделают всё так, как у тебя на чертежах, —

складываю руки на груди. Ещё чего, выполнять приказы девчонки!

— Неужели, хотя бы одно. Вау, — наигранно восхищается, а затем лицо снова становится серьёзным. — А теперь пораскинь своими пропитыми мозгами. Они не видели таких денег за один раз. Как потом отец будет с ними расплачиваться? Больше никакой бесплатной помощи. Хочешь разрушить нашу жизнь, вперёд, Флинт, ты же любишь сорить деньгами для других.

— Чёрт! Джесс, я предлагал тебе денег, и продолжаю это делать! — Взрываюсь, не могу больше терпеть этого напоминания. Она постоянно это делает, давит на болезненную точку.

— Мне они не нужны, как и им. Поэтому скажи парням о своей богатой фантазии, — упрямо поджимает губы.

— О, у меня очень богатая фантазия. К примеру, ты закроешь свой рот и как хорошая девочка поднимешься к себе, примешь душ и начнёшь мне улыбаться. Затем прекратишь это издевательство над собой и надо мной. Как тебе? — Ехидно улыбаюсь.

— Я никогда не была хорошей девочкой, трахни меня, — смеюсь, выходит из кухни, а я готов заорать.

Она невыносима, просто невыносима. Как в ней уживается столько личностей? То мегера, то соблазнительная стерва, то нежная нимфа и ещё одна — заботливая дочь. Одуреть. Осматриваю кухню, и не собираюсь даже следовать её словам. Ничего, поощрение ребятам не помешает. И Скота как-нибудь уломаю, чтобы он принял мою помощь. Но сначала уломаю Джесс. Все девушки любят дорогую одежду, духи, подарки, и она точно не исключение. Куплю её внимание, отношение ко мне... боже, даже проговаривая это в голове, понимаю, насколько неправдоподобно. У неё очень тяжёлый характер, признаю, но и у меня когда-то был не самый простой. Стал мягче, ослабел, и всё из-за женщин. А сейчас именно женщина, в лице Джасмин, и вытаскивает из недр другого, забытого человека, желающего добиться цели.

Я не помню, когда ощущал такое желание противостоять этому миру и противоположному полу. Да, я жалкий, и жалею себя. Чёрт, ведь это отвратительно. Это началось всё давно, очень давно, даже точку отсчёта не запомнил. В эту секунду, наливая себе в хлопья молоко, осознаю, как гадко выгляжу со стороны. Вся моя жизнь была полна жалости к себе и к своим неудачам в любви. Именно любовь стала для меня самой желанной на этом свете, и я искал её. Подбирал даже объедки, чтобы превратиться в кого-то более сильного. Когда же я потерял свои яйца?

Да, признаю, за короткое время невозможно измениться, но благодаря Джесс начну. Она имеет все недостатки, которых я избегал. Девушка полна борьбы и максимализма, и я уже давно не смотрю на неё, как на одиннадцатилетнего подростка. Я поставил её на один уровень с собой и анализирую только её жизнь, но никак не свою. Трусливо признавать, что мне страшно заглянуть глубже в сердце и разум. Вытащить из себя всю грязь и разобраться в ней. Но это необходимо, чтобы иметь власть над единственной женщиной, которая мне никогда не будет принадлежать. Над собственной племянницей. Нет, конечно, я не хочу её для себя, как спутницу жизни, и это даже не обсуждается. Но хочу показать ей, что такая жизнь ни к чему хорошему не приведёт. Только к полному разрушению и метанию в этом мире. Терпение, для начала буду учиться ему.

Позавтракав и приняв, как мне кажется, верный путь, поднимаюсь на второй этаж и стучусь в спальню Джесс. Через несколько секунд она открывает в её излюбленном полуголом виде, но я улыбаюсь. Молодец.

— Чего надо? — Недовольно спрашивает она.

— Хотел поинтересоваться, какие у тебя планы на сегодня, — мягко отвечаю ей, замечая, что волосы собраны в непривычно тугую косу, а в голубых глазах вспыхивает недоверие.

— Как мои планы касаются тебя? — Ехидно усмехаясь, прислоняется плечом к косяку.

— Напрямую. Моя помощь может быть полезной.

— Нет, ты мне не нужен. Я собираюсь в мастерскую, а тебе там делать нечего, — отрезает она и хватается за дверь, чтобы захлопнуть перед моим носом. Но упираюсь ладонью, применяя силу, и не позволяю ей это сотворить. Нет, больше меня не будут щёлкать по носу.

— Конфетка, не будь букой, — растягиваю губы в самой соблазнительной улыбке, от которой в основном все женщины тают. Да, кроме Джесс, прищурившейся и дёрнувшей дверь.

— Давай, поедem вместе. Хотя я не умею пилить и строить, но прекрасно знаю основы бизнеса и могу что-то посоветовать, чтобы ваши дела улучшились. Я ведь не чужой, никаких денег не предлагаю, а вот мои знания могут пригодиться, — наклоняя голову набок, не мигая, удерживаю её взгляд.

— Ладно, уговорил. Но запоминай правила — ты делаешь то, что я попрошу. Ни больше, ни меньше. Согласен?

— Идёт. Дай мне минуту, я возьму вещи, и встретимся у машины Скота, — киваю ей и, подсвистывая, направляюсь к себе.

Получилось, немного настойчивости и дальше всё пойдёт как по маслу. Опыт общения с женщинами мне определённо поможет.

Подхватываю портмоне и пихаю в карман джинсов, приглаживаю отросшие светлые волосы и забываю о том, что у меня есть мобильный. Это привычно, так я делаю время от времени, но сейчас по иной причине. Он мне не нужен. Здесь связь с тем миром, от которого убежал — лишнее. И, чёрт возьми, это меня так радует.

Пролетаю мимо пустой спальни Джесс и сбегая по ступеням. На ходу подхватываю ключи и выбираюсь на влажный воздух. Рубашка моментально становится неприятно удушающей, и от желания сорвать её расстёгиваю верхнюю пуговицу.

— Губы подкрасил? — Насмешливо произносит Джесс, когда я дохожу до неё.

— Обязательно, и ресницы заодно. Нравится? — Шире улыбаюсь и слышу её громкий смех.

Опускаюсь в салон и завожу мотор, наслаждаясь изменившимся отношением Джесс ко мне.

— Неужели, из-за туши не можешь видеть дорогу? — Хрюкает от смеха она, указывая на выезд.

— Ты не пристегнулась, — напоминаю ей.

— Я и не пристёгиваюсь. Смысл? — Пожимает плечами и удобнее ставит на своих коленях рюкзак.

— С ума сошла? Это техника безопасности и...

— О, боже, Флинт, не нуди, — перебивая меня, поворачивается и закатывает глаза.

— Я не пристёгиваюсь, потому что в этом городе невозможно развить высокую скорость. Тем более, что в папиной машине, что в моей ремень заедает. Поэтому оставь нравоучительную тираду очередной жене и двигай. Не нарушай моего условия, а то поеду

одна, — указывает пальцем в сторону дороги.

— Тогда пересаживайся на заднее сиденье, — выключаю мотор, отчего Джесс шипит.

— Флинт, давай, не будем сейчас выяснять снова отношения. Ты тратишь моё время, а оно мне необходимо. До приезда родителей его всё меньше. Давай уже, трахни меня, побудь плохим. Таким я тебя и помню, — пихает меня в плечо, и я закрываю на секунду глаза.

— Ну же, трахни меня, стань тем, кто рулил ногами, — приоткрываю рот от её познаний.

— Что?

— Мама любит по вечерам рассказывать о твоих проделках в юности. И у меня на тебя целое досье. Помимо этого, она упоминала, как ты после очередной вечеринки взял её машину, и наутро она там обнаружила...

— Всё! Мы едем! — Повышая голос, завожу мотор и резко даю по газам. Слух наполняется смехом Джесс, а я поверить не могу, что Зои это сделала. Да, да, я был тем самым парнем, который ходит как в замедленной съёмке и сверкает белоснежной улыбкой. Моя внешность всегда помогала мне затащить очередную красотку в постель, или же на заднее сиденье машины сестры. А в тот день мою отобрали родители, и пришлось влезть в автомобиль Зои и оставить на заднем сиденье презервативы. Использованные. Глупо. Бездумно. Конечно, а кто думает головой, когда тебе шестнадцать? Парнями точно ведёт иное место.

По памяти, в тишине мы доезжаем до неприметной мастерской, и Джесс выходит первой. Отпирает ключом пыльную и даже какую-то мрачную дверь, и мы оказываемся в небольшой, захламлённой комнате, пропахшей краской, лаком, деревом.

— Знаю, Флинт, можешь не давать своей оценки. Здесь просто воняет безысходностью, — тихо произносит Джесс за моей спиной и закрывает дверь на ключ.

Осматриваю грязные чехлы, которыми накрыта мебель, пустые полки — это напоминает склад, а не магазин. Под ногами несколько слоёв пыли, опилки и разорванная бумага. Это место словно заброшено, и в нём никто не работает довольно давно.

— Расскажи мне, что у вас происходит, — прочищая горло, щекочущее с каждым вдохом, поворачиваюсь к девушке.

— Это помещение папа купил шесть лет назад. Сначала всё было хорошо, у него было достаточно заказов, чтобы пропадать здесь и ночью, — говорит она и проходит между столами, а я за ней.

— Но сейчас это место закрыто, как и последние три месяца. Дела идут хреново, уже нет причин покупать и заказывать мебель, потому что есть возможность это сделать по интернету. Люди предпочитают эксклюзивные и именитые бренды, чтобы хвалиться ими перед гостями и друзьями, — Джесс открывает заднюю дверь, и мы оказываемся в самой мастерской, где творится бедлам. Куча дерева, металла, краски, инструментов и оборудования. Запашок, действительно, ужасный, от него мутит, а ещё больше от того, как всё в этом месте мертво.

— Папе остаётся только помогать старым друзьям и старожилам города, которые помнят его. Он берётся за любую работу, где необходимо что-то починить или покрасить, заменить крышу или же что-то в этом роде. Давно он здесь не работал, не создавал новые предметы мебели, — девушка бросает рюкзак на один из стульев и подходит к длинному столу.

— Чёрт, — запускаю руку в волосы, снова и снова понимая, насколько туго им живётся.

Вновь вина даёт о себе знать, и это причиняет боль в груди.

— Но ты... вчера ты была здесь. Для чего? — Голос хрипит от пыли, и даже не хочется его менять. Пусть хрипит, как и каждый удар моего сердца.

— Иди сюда, — Джесс с улыбкой подзывает, и я аккуратно пробираюсь к ней.

— Вот это стало моей причиной, — она указывает на пластиковую вывеску, которую только начали окрашивать в ярко-голубой цвет.

— Мой план, который я хочу осуществить. У папы нет времени, мама не понимает в этом, остаюсь только я. Новая жизнь. Новые возможности. И начинать необходимо с названия. Вместо старого, теперь будет...

— Уютные небеса, — читаю я и поворачиваю к ней голову.

— Точно. Пока родителей нет, в моих планах окрасить вывеску, прибрать всё и отмыть, восстановить папины работы, и у меня есть то, что сделала я сама. После их приезда мы устроим открытие и что-то вроде ярмарки, где будет всё продаваться. Я уже просчитала себестоимость, старую цену и наценку. Мало кто помнит бывшую цену, поэтому мы укажем её же минус доллар. Особенно люди ведутся, если стоит двадцать девять девяносто девять. Это не тридцать и в то же время один цент до тридцати. Психология, — спокойно рассуждает она, а моё лицо вытягивается от удивления и невероятного восхищения.

— Поэтому у меня мало времени. Часть мебели уже готова, но есть несколько кресел, которые необходимо отполировать. Не боишься запачкать свои руки, Флинт? — Смеясь, она огибает стол и срывает ткань, а под ней выдавшая лучшее время мебель.

— Эм... — найти, что ответить очень сложно. Я не могу прийти в себя от увиденного, от разрухи и банкротства, а сейчас же мою грудь буквально взорвёт от гордости и преклонения перед этой девочкой.

— Ну, так что? Ты хотел помочь мне...

— Да-да, конечно. Боже, Джасмин! Да у меня слов нет, чтобы передать тебе, насколько я обескуражен тем, что ты сделала. Я готов помогать, — смеясь, от только мне понятных эмоций, быстро подхожу к ней и ловлю недоумение во взгляде.

— Всё что угодно, конфетка, хоть рубашку отдам на тряпки, — продолжая, подхватываю её прохладные пальцы и сжимаю в своих руках.

— Надеюсь, этого мы избежим, — усмехается она.

— Зачем ты прячешь это, Джесс? — Всматриваюсь в её красивое и утончённое лицо. В глаза, сверкающие лучше любых драгоценностей.

— Что именно, Флинт? — Удивляется она и делает шаг ближе ко мне, отчего втягиваю аромат её шампуня, и это возвращает меня в прошлое.

— Конфетка, себя. Ты прячешь себя настоящую, любящую родителей и пытающуюся поправить положение, хотя тебе всего восемнадцать. Боже, прости меня. Прости за то, где я не был. Но сейчас здесь и готов, чтобы мной руководили, — шепчу, а сердце так громко бьётся в висках от этой пыльной близости. Я чувствую, насколько её мир ограничен, и в то же время богат, когда у меня всё наоборот.

— Наверное, возраст сделал тебя чересчур сентиментальным, Флинт, или женщины, которые любят тебя использовать. Но останови эту гадость, льющуюся из тебя подобно помоям. Это противно, — с отвращением вырывает свои руки и отскакивает от меня.

— Почему? Что я сказал не то, раз получил очередное оскорбление? Почему я не могу восхищаться тобой? Почему не могу быть ведомым сейчас, ведь совершенно не представляю, что мне делать? Чёрт! Джасмин, хватит! Я сейчас здесь, и не хочу ссориться. Хорошо, буду

молчать, — обиженно поджимаю губы и перевожу взгляд на стену, где висят инструменты.

— Тебя это задело? — Изумляется она.

— Да. Очень, потому что я говорю так, как чувствую, — фыркаю и смотрю в её потемневшие глаза.

— Хм... прости, но мне показалось, что это отработанные годами фразы и... чёрт, Флинт, ты другой. Я ожидаю постоянно от тебя чего-то оскорбительного или же жестокого, что ты плюнешь на всё это и исчезнешь. Не хочу, — жмурится и мотает головой, — не хочу снова тебе верить, ведь разочаровываться это больно.

— Джесс, — шокированный таким объяснением тяжело вздыхаю, и хочется дотронуться до неё, уверить, что я не кусок дерьма, каким она видит меня. Но не позволяю себе этого, так и стою напротив неё, пытаюсь подобрать слова.

— Я докажу тебе, что где-то есть тот Флинт, которого ты знала. Обещаю, что докажу. Он мне необходим так же, как и тебе. И сделаю всё, что в моих силах, чтобы твои мечты стали реальностью. Не буду обещать небесам, а тебе. Конфетка, обещаю тебе.

Смотрит на меня, словно выискивая в моих словах подвох, но через силу улыбаюсь ей.

— Хорошо. Тогда приготовься быть потным и вонючим, потому что это будет именно так, — кивает мне.

Столько лет блюсти законы, которые написал сам для себя, и в одну секунду перечёркнуть. Идеальный вид и дорогие костюмы стали ничем. Деньги обратились в пыль. А сам я застрял между прошлым и настоящим. Но настоящее меняется, как и меняются отношения с Джесс, уверенно рассказывающей мне о предстоящей работе. Не помню, когда мои руки держали тряпку. Не помню, чтобы у меня не вызвало отвращения опуститься коленями на пыльный пол и вдохнуть запах лака. Не помню. Хотя именно эти частички необходимы для нас, для меня, чтобы сорвать мою тряпку, скрывшую человека, а не его подобие.

Опускаюсь на пол, уже не в силах стоять и натирать высокий столик, чтобы покрыть его лаком. Пот пропитал всю рубашку, джинсы и трусы. С меня буквально течёт. Упираюсь руками в согнутые колени и закрываю на секунду глаза, чтобы прийти немного в себя. Вот именно это даёт понять, насколько моя физическая сила — ничто, по сравнению с Джесс. Она, как вечный двигатель что-то делает. Покрасила вывеску, принялась за торшер, далее ушла к стульям, очищая их от старой краски, и покрывая уже новой. А я закончил только кресло и даже столик не могу. Хочу помыться.

— Держи, — перед моим лицом появляется бутылка воды, от которой приятно веет холодом. Поднимаю голову на девушку, не менее потную, чем я. С прилипшими к скулам и шее немного завивающимися волосами, и такую сексуальную. Чёрт, её кожа блестит, топик облепил высокую грудь, позволяя разглядеть ореолы сосков. Именно туда и пялюсь.

— Попей, а то будет хуже, — Джесс качает бутылкой. Отвожу резко взгляд, проклиная себя за этот туман в голове. Всеми виной краска. Она жутко пахнет, видимо, дешёвая.

— Спасибо, — облизывая губы, произношу и открываю бутылку. С жадностью отпиваю воды, улыбаясь приятному охлаждению.

— Где ты взяла её? — Спрашивая, поворачиваюсь к ней, опустившейся рядом со мной.

— Здесь есть холодильник. Если захочешь сэндвич, то он тоже там, — она указывает куда-то за свою спину.

— Нет, есть даже не хочу. Невозможно работать. Нет никакой вентиляции и безумно душно, — кривлюсь и делаю ещё один глоток.

— Нытик, — смеётся она, толкая меня в плечо. — Привык к тому, что тебе задницу подтирают.

— Я не нытик. Посмотри на себя, ты вся мокрая, как и я, — обиженно осматриваю её, отчего Джесс хмыкает, сдувая пряди со лба.

— Ты тоже можешь снять рубашку, — пожимает она плечами.

— Нет. Мне и так хорошо, — быстро качаю головой. Если я сниму рубашку, то это станет чем-то более интимным, чем просто работа над реставрацией мебели. Она полуголая, я практически обнажён. Да ещё и мокрая. Оба мокрые, скользкие и... очень жарко. Чёрт, да мне дышать нечем от этих мыслей. И они же противостественны. А я думаю сейчас о взрослых и пошлых фантазиях. Это всё краска. Именно она отравила меня и мою кровь, заставляя медленно возбуждаться от аромата волос Джесс.

[Купить полную версию книги](#)